
К 100-ЛЕТИЮ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

© 2017 г.

Н.В. КРОТКОВА

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ (ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ)

Кроткова Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, заместитель главного редактора журнала “Государство и право” РАН (Москва, Россия) (E-mail: krotkova2012@yandex.ru).

Krotkova Natalya V. — PhD in Law, Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) (E-mail: krotkova2012@yandex.ru).

Аннотация: дан обзор Всероссийской научной конференции “Государство и революция. К 100-летию Великого Октября”, организованной кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и редакцией журнала “Государство и право”. Показано влияние Октябрьской революции на становление и развитие Советского государства. Рассмотрены источники революционного права, государственно-правовые аспекты революции 1917 г. Уделено внимание революционным и эволюционным переменам в современной истории и роли права, а также первым советским юридическим журналам. Отражены вопросы теоретической подготовки Великой Октябрьской революции в России. Почему Октябрь 1917 г. был исторической неизбежностью? Выступления участников конференции посвящены также революционной идеологии в теории права и государства, революционному правосознанию в истории российской государственности и многим другим вопросам.

Abstract: an overview of the All-Russian scientific conference “State and revolution. The 100th anniversary of the Great October revolution”, organized by the department of theory of state and law and politology of the law faculty of Moscow state University M. V. Lomonosov and the editorial board of the journal “State and Law”. It shows the influence of the October revolution on the formation and development of the Soviet state. The sources of revolutionary law, state-legal aspects of the 1917 revolution, the attention is paid to the revolutionary and evolutionary change in modern history and the role of law, as well as the first Soviet legal journals. Reflect the issues of theoretical preparation of the Great October revolution in Russia. Why the October 1917 was a historical inevitability? The participants of the conference were also devoted to the revolutionary ideology in the theory of law and state, to the revolutionary sense of justice in the history of Russian statehood, and many other issues.

Ключевые слова: государство, революция, Ленин, диктатура пролетариата, юридическая наука, общая теория права, философия права, социология права, история государства и права, догма права, государственность, идеология, правосознание.

Key words: state, revolution, Lenin, the dictatorship of the proletariat, legal science, General theory of law, philosophy of law, sociology of law, history of state and law, the dogma of law, statehood, ideology, legal consciousness.

28 марта 2017 г. на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова прошла Всероссийская научная конференция “Государство и революция. К 100-летию Великого Октября”, организованная кафедрой теории государства и права и политологии и редакцией журнала “Государство и право” РАН.

Конференцию открыл **М. Н. Марченко**, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ. *Влияние Октябрьской революции на становление и развитие Советского государства*

Столетний юбилей Октябрьской революции 1917 г. вызвал повышенный интерес к данному

явлению со стороны самых широких слоев российского и зарубежного академического, журналистского и иного сообщества. И это не случайно, имея в виду тот неопровержимый факт, что Октябрьская революция стала, с одной стороны, радикальным поворотным пунктом в историческом развитии Российского государства, а с другой — оказала огромное влияние на последующее развитие всей мировой цивилизации. С этим в принципе согласуются мнения всех отечественных и зарубежных авторов, занимающихся данной тематикой, независимо от их отношения к Октябрьской революции и, соответственно, от характера оценок ее последствий для Российского государства и мировой цивилизации. Независимо от того, рассматривается ли она как *Великая Октябрьская социалистическая революция*,

оказавшая огромное позитивное влияние на дальнейшее развитие Российского государства и на весь окружающий его мир. Или же (вопреки реальной действительности) представляется в виде *заурядного “большевистского переворота”*, выбившего Россию из цивилизационного пути развития и оказавшего негативное влияние на весь остальной мир. Как известно, первая точка зрения по отношению к Октябрьской революции была традиционной для советского периода развития российского общества и государства. Вторая же появилась после развала СССР и событий 90-х годов (“революции” партийно-государственной бюрократии), породивших полукриминальную олигархию и по факту вернувших к власти тот класс (слой, клан и т.п.), на борьбу с которым была направлена Октябрьская революция и на ликвидацию которого была нацелена диктатура пролетариата.

Говоря о влиянии Октябрьской революции на процесс становления и развития Советского государства, последнее, как и любое иное государство, *не следует идеализировать или, наоборот, рассматривать его исключительно в черном цвете*, используя при этом то или иное имевшее место в период его существования и функционирования негативное событие. Идеализация Советского государства имела место, как правило, в советский период, когда оно рассматривалось исключительно в позитивном плане, как безупречный во всех отношениях институт. Рассмотрение же Советского государства в негативном плане, нередко путем сравнения его с фашистским тоталитарным государством, имеет место в постсоветский период. При этом зачастую неудачи в проводимой постсоветским государством политике власть предержащие и их олигархическое окружение пытаются “компенсировать” за счет критики Советского государства.

В данном случае, вполне очевидно, имеют место *две крайности*: с одной стороны, идеализация государственно-правовой системы, а с другой — представление ее исключительно в негативном плане. Сравнительное исследование советского и постсоветского государства свидетельствует о том, что как первое из них, порожденное Октябрьской революцией, так и второе, возникшее в результате событий 90-х годов, имеет свои определенные плюсы и минусы. Дело заключается лишь в том, у какого из них, рассматриваемых с позиций защиты интересов всего общества, больше плюсов или минусов. При этом не следует упускать из поля зрения то обстоятельство, что если постсоветское государство, не имея

своей четкой идеологии, фактически исходит из внеклассовости государственно-правовой материи, то Советское государство, напротив, по своей природе и характеру рассматривается как сугубо классовое образование.

В силу этого ответ на такой, в частности, вопрос: был ли государственный режим советского периода сугубо демократическим или недемократическим, авторитарным, принудительным или, наоборот, непринудительным, — можно дать только в зависимости от того, о каких слоях общества или классах идет речь. Это — во-первых, а во-вторых, — в зависимости от того, о каком этапе развития советского государства и общества идет речь. Будучи по своей природе и характеру, как и вся советская политико-правовая система, *партийно-государственным, номенклатурным феноменом*, государственный режим проявляется по отношению к одним — пролетарским слоям советского общества своей демократической стороной, а по отношению к другим — непролетарским классам — своей недемократической, принудительной стороной. Так по крайней мере это проявлялось наряду с фактическим в формально-юридическом, конституционно-правовом плане *в зависимости от этапов развития Советского государства*.

На начальном этапе становления и развития Советского государства, в период диктатуры пролетариата, длившийся согласно официальной теории и идеологии с октября 1917 г. до середины 30-х годов, Советское государство в полной мере проявлялось, как аттестовал его в свое время В. И. Ленин, по-новому демократическим (для пролетариата и других слоев трудящихся масс) и по-новому диктаторским (по отношению к буржуазии). И хотя в сугубо академическом плане В. И. Ленин рассматривал диктатуру любого класса как “ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную непосредственно на насилие опирающуюся власть”¹, в отношении диктатуры пролетариата, тем не менее, в этом плане было сделано своего рода исключение. Речь при этом идет о том, что *диктатура пролетариата* в основе не только провозглашалась и проводилась в жизнь, но и конституционно, особенно в отношении прав и свобод граждан различных слоев советского общества, *закреплялась*².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 320.

² См.: История государства и права России. В 2-х т. / Под общ. ред. В.М. Сырых. Т. 2. М., 2014. С. 29–35.

Это можно видеть на примере Конституций РСФСР 1918 и 1925 гг., принятых и действовавших в условиях диктатуры пролетариата — в период ожесточенного сопротивления советской власти со стороны буржуазии, и в силу этого представлявших права и свободы пролетарским массам и ограничивавших их в отношении не-пролетарских слоев общества. Так, в ст. 9 Конституции РСФСР 1918 г. было закреплено положение, согласно которому устанавливалась *“диктатура городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти”*³. Одновременно с установлением диктатуры пролетариата и предоставлением, в частности, избирательных прав *“всем добывающим средства к жизни производительным и общественно полезным трудом”* этим конституционным актом ограничивались такие же права в отношении непролетарских слоев населения. Эти ограничения касались, к примеру: а) лишь прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лиц, живущих на нетрудовые доходы в виде процентов с капитала, *“поступления с имущества и т.п.”*; в) частных торговцев, торговых и коммерческих посредников; г) монахов и духовных служителей церквей и религиозных культов; д) *“служащих и агентов бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также членов царствовавшего в России дома”*. Непролетарские слои населения, будучи ограниченными в избирательных и некоторых других правах, не могли участвовать не только в политической, но и в других сферах жизни советского общества (в том числе в экономической), поскольку ранее принадлежавшие им заводы, фабрики, пароходы и т.п. были национализированы советской властью в пользу тех, кто создавал их, но не владел и не пользовался ими.

“Устанавливая пролетарскую демократию, — констатируют в связи с этим исследователи, — Советское государство искореняет буржуазный парламентаризм и буржуазную демократию, подавляет буржуазию, все попытки вернуться к капитализму, предоставляет свободу и равенство трудящимся”. Таким образом, заключают аналитики, *“политический режим приобретает четко выраженный классовый характер. Демократия сохраняется только для определенной части*

населения — рабочих и иных трудящихся. Именно им предоставляется вся полнота политических прав и свобод”⁴. Что касается буржуазии, то здесь о демократии говорить не приходится: она не только не приветствуется, а всеми находящимися в распоряжении новой государственной власти средствами подавляется.

Подобная ситуация сохранялась на протяжении *всего этапа существования диктатуры пролетариата* и вслед за Конституцией РСФСР 1918 г. в полной мере закрепились в Конституции РСФСР 1925 г., основной задачей которой было *“гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти”* (ст. 1).

Однако ситуация в общественно-политической жизни страны и в характере государственного режима значительно изменяется с окончанием периода диктатуры пролетариата и с победой социализма в СССР, как это официально провозглашалось в середине 30-х годов⁵. В отношении прав и свобод советских граждан уже не проводилась градация по классовому признаку, равно как и по другим. В Конституцию СССР 1936 г. вводилась отдельная глава (гл. X) под названием *“Основные права и обязанности граждан”*, в которой закреплялись права каждого гражданина СССР, безотносительно их социальной принадлежности: право на труд, право на отдых, *право на материальное обеспечение* в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности; *право на образование; право на объединение в общественные организации* (ст. 118–121). Кроме того, *“в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантировалось законом”*: свобода слова, свобода печати, свобода собраний и митингов, свобода уличных шествий и демонстраций (ст. 125). Наряду с широким кругом прав и свобод гражданам СССР обеспечивалась *“неприкосновенность личности” и жилища, охранялась законом тайна переписки* (ст. 127, 128).

В Конституции особо закреплялись положения, согласно которым: а) женщине в СССР предоставлялись и гарантировались *“равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической*

³ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М., 1998. С. 307.

⁴ История государства и права России. В 2-х т. / Под общ. ред. В. М. Сырых. Т. 2. С. 30.

⁵ См.: Горман А. Я. Советское государство и право в период упрочения и развития социалистического общества (1935 — июнь 1941 гг.). М., 1957.

жизни”; б) равноправие всех граждан Советского Союза “независимо от их национальности и расы во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни” считалось “непреложным законом”; в) “какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения” каралось законом; г) положение о том, что “никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора” (ст. 122, 123, 127).

Одновременно с правами и свободами Конституция СССР 1936 г. закрепляла *обязанности всех граждан Союза ССР*. Это: обязанность соблюдать Конституцию СССР, “исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития”. Кроме того, согласно ст. 131 каждый гражданин СССР обязан был “беречь и укреплять общественную и социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества Родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся”. В статье особо подчеркивалось, что “лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа”. Конституция СССР 1936 г. закрепляла также всеобщую воинскую обязанность “как закон” и рассматривала защиту Отечества как “священный долг каждого гражданина СССР”. При этом “измена Родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж” карались “по всей строгости закона как самое тяжкое злодеяние” (ст. 133).

Аналогично в основе своей с конституционным закреплением прав и свобод советских граждан и государственного режима обстоит дело и с *Конституцией СССР 1977 г.*, с той, однако, разницей, что в этой Конституции по сравнению с Конституцией 1936 г.: а) значительно расширился круг “гарантированных государством прав и свобод советских граждан”. Социалистический строй, констатировалось в этой связи в ст. 39, “обеспечивает расширение прав и свобод, непрерывное улучшение условий жизни граждан по мере выполнения программ социально-экономического и культурного развития”; б) особо подчеркивалось, что “использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других

граждан”; в) закреплялось положение, согласно которому “уважение личности, охрана прав и свобод граждан — обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц”; г) устанавливалось, что граждане СССР имеют право “на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество”. Они наделялись также правом “обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов”; д) конституционно закреплялось право советских граждан “участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения”. Данное право и другие конституционно закрепленные права не только декларировались, но и конституционно гарантировались (ст. 39–69).

Наряду с названными в Конституции СССР 1977 г. правами и свободами в ней закреплялись и гарантировались также и другие права и свободы советских граждан. Однако, как показала общественно-политическая практика страны, не все из них, в частности политические права и свободы, так же как и их гарантии, не всегда были реальными, а в основном формальными феноменами. Это, несомненно, оказывало значительное влияние как на политическую систему рассматриваемого периода в целом, так и на характер государственного режима Российского государства, именовавшегося в данное время общенародным государством, “выражающим волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны” (ст. 1).

Оставаясь по-прежнему партийно-государственным, в значительной части номенклатурным феноменом, Российское государство рассматриваемого периода своего развития тем не менее проявлялось *в основе своей как пролетарское государство* — государство, предоставлявшее трудовой части советского общества широкие и вполне реальные социально-экономические и некоторые иные права и свободы⁶. В силу этого государственный режим Советского государства на данном этапе его развития есть все основания рассматривать, как представляется, в виде *преимущественно демократического режима*, имевшего, однако, свои определенные пробелы и изъяны.

Суть их заключалась прежде всего в том, что формально-юридическое равенство всех слоев

⁶ См.: Портнов В. П., Славин М. Н. Этапы развития Советской Конституции: историко-правовое исследование. М., 1982; 70 лет Советского государства и права / Под ред. А. И. Королева. Л., 1987; Отечественная история государства и права / Под ред. Ю. М. Поникидина. Саратов, 2007; и др.

советского общества не всегда адекватно соотносилось с их реальным, фактическим равенством: партийно-государственная бюрократия в социально-бытовом и некотором ином плане всегда имела ряд преимуществ, оставаясь при этом “более равной” среди всех других формально-юридически равных слоев общества.

Открытое классовое — формально-юридическое и фактическое неравенство противостоявших друг другу классов и слоев российского общества на первых этапах становления и развития Советского государства сменилось определенным фактическим неравенством различных *трудовых и номенклатурных слоев общества* на последующих этапах его развития вплоть до развала Советского Союза.

Конечно, это было несравнимое по своим масштабам неравенство людей, которое имеет место в современной, постсоветской России, где 1% населения владеет 75% национального богатства⁷ и где доход одних лиц в десятки и даже в сотни раз превышает доход других⁸.

Однако определенное неравенство в советский период все же имело место быть и его нельзя ради объективности исследования советской действительности полностью игнорировать. Так же как не следует игнорировать *элементы авторитаризма* в лице руководителей государства, использовавших для поддержания своей власти и правопорядка в стране, особенно на первых этапах развития советского общества и государства, не только методы убеждения, но иногда и крайние меры принуждения⁹.

Это, несомненно, отражалось на характере государственного режима Советского государства и в еще большей степени отражается, особенно в плане разительного неравенства различных слоев общества, на *государственном режиме постсоветского государства*.

Несмотря на то что современное Российское государство конституционно декларируется и закрепляется как демократическое, социальное государство, где единственным источником власти является многонациональный народ и где политика государства “направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека” (ст. 1, 7 Конституции

РФ), в реальной действительности многое обстоит иначе. Возникшее в постсоветском раннекапиталистическом государстве чудовищное экономическое неравенство различных слоев общества или классов на практике с неизбежностью ведет к их социально-политическому и иному неравенству; к росту безработицы и обнищанию значительной части населения; к ограничению их доступа к образованию, медицинскому обслуживанию и другим социальным благам; к возникновению неуверенности подавляющей части общества в завтрашнем дне.

Исходя из этого, согласно элементарной логике следует заключить, что государственный режим постсоветского периода развития Российского государства, будучи демократичным феноменом для всех без исключения слоев общества формально юридически, не является таковым для них всех фактически¹⁰.

В отличие от Советского государства и соответствующего государственного режима, обслуживавшего прежде всего партийно-государственную номенклатуру, постсоветское государство и соответствующий олигархо-бюрократический режим обслуживают в приоритетном порядке согласно своему назначению олигархический капитал и государственную бюрократию.

А. С. Автономов, главный редактор журнала “Государство и право” РАН, доктор юрид. наук, проф. *Революция и право, легитимность и легальность*

Столетие Великой Октябрьской социалистической революции — хороший повод, чтобы ещё раз вернуться к рассмотрению основных черт права, которые с особой отчетливостью проявляются в переломные моменты истории. Возникают следующие вопросы. Если право консервативно, то как возможна революция с точки зрения права? Каково право в контексте революции, и какова революция в контексте права? Почему значительная часть, если не большинство, революционеров не только в России, но и во всех странах начиная с XVII и по XXI в. были революционерами? Почему революционеры, едва придя к власти, и даже ещё не укрепившись у власти, начинали с принятия нового законодательства?

Все эти вопросы наталкивают нас на мысль, что революция и право во многом связаны. Попробуем разобраться, в чём состоит эта связь и каким образом она проявилась в России в 1917 г.

⁷ См.: Солодов В. Кому нужны перемены? Импортотвращение // Версия. 2017. № 9 (584). С. 20.

⁸ См.: Аргументы недели. 2017. № 8 (550). С. 6; № 9 (551). С. 7.

⁹ См.: Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс. Учеб. пособие. М., 1970; Курицын В. М. Развитие прав и свобод в Советском государстве. М., 1983; и др.

¹⁰ См.: Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–200-. М., 2010. С. 698–710.

Действующие накануне революции законы революционеры отвергают, и сама революция с точки зрения таких законов незаконна (нелегальна). Но если соотношение революции с легальностью (законностью) представляется более или менее ясной, то сложнее обстоит дело с легитимностью (правомерностью) революции. Легитимность (правомерность) заключается в соответствии содержания юридических актов или обычаев справедливости, как понимается большинством населения определённой страны в конкретно-исторический период. В то время как законность (легальность) состоит в строгом и неукоснительном исполнении предписаний актов и обычаев, содержащих юридические нормы. Таким образом, для того чтобы быть правомерными (легитимными), акты (в том числе и законы) должны соответствовать господствующим в данном обществе представлениям о справедливости. В обычных условиях, если какие-то нормы, изданные или санкционированные государством, носят нелегитимный (т.е. неправомочный, а в конечном счёте — неправовой) характер в результате допущенной ошибки или в силу того, что норма устарела, то в любом государстве имеются механизмы, позволяющие активной и заинтересованной части населения добиваться от соответствующих органов государства изменения, отмены или дополнения действующих юридических норм. Однако в том случае, когда государство не хочет или не в состоянии корректировать юридические нормы в соответствии со справедливыми требованиями населения (это может происходить вследствие того, что с течением времени представления о справедливости у правящего слоя и у большинства населения существенно разошлись), наступает кризис легитимности самого государства, а это уже может привести к революционной смене правительства. Примечательно, что в конфуцианстве, начиная с ученика основателя этого учения Мэн-цзы, устоялся принцип “гэ мин” (“уступка трона”), согласно которому в случае устойчивого уклонения правителя от принятия справедливых решений правомерным является восстание народа и замена правителя другим, справедливым.

В любом обществе в каждую эпоху существует господствующее представление людей о том, что является справедливым, а что не является таковым, и узнать об этом можно эмпирическим путем: можно, например, выяснить в результате общения с разными людьми или опроса. Конечно, вполне возможно, что есть кто-то, не разделяющий общепринятые в данном обществе и в данную эпоху взгляды на то, что считать справедливым, а что — несправедливым. Однако в том

случае, когда такие альтернативные взгляды на справедливое и несправедливое не разделяются значительным числом людей и не могут вследствие этого повлиять на общую оценку тех или иных мер органов государственной власти, они не могут представлять собой существенный фактор формирования и реализации соответствующего законодательства. С течением времени в связи с изменением материальных условий жизнедеятельности общества меняются и представления о том, что является справедливым, а что — несправедливым. В ходе таких изменений некоторые из альтернативных взглядов на справедливое и несправедливое могут приобретать все более широкую поддержку населения и даже превратиться в господствующие. Это в той или иной степени влечет за собой развитие законодательства, появление новых обычаев на смену старым или обновление толкования уже существующих норм обычаев. А в эпохи, когда изменения в социально-экономической жизни и в общественном сознании приводят к противоположности и непримиримости представлений о справедливом и несправедливом у тех, кто стоит у власти, и представителей поддерживающих их социальных слоев, с одной стороны, и у большинства населения — с другой, складывается революционная ситуация. Как известно, после любой революции законодательство коренным образом изменяется. Но и в том случае, если революция заканчивается поражением тех, кто ее начал, законодательство, как правило, претерпевает существенные изменения. Впрочем, любые сильные социальные потрясения (крестьянские войны и крупные крестьянские восстания в эпоху крепостничества, всеобщие забастовки или студенческие волнения в новую и новейшую историю) способны оказать серьезное воздействие на содержание нормативных правовых актов. Конечно, нельзя не отметить, что справедливость, хотя и отражается в праве и должна отражаться в нормах, закреплённых в актах и обычаях, сама по себе относится к внеправовым явлениям. Справедливость имеет самостоятельное значение и важна не только для права, но и для других регулятивных систем (например, для морали).

В России к началу XX в. представления о справедливости правящего слоя и подавляющего большинства населения существенно разошлись и продолжали отделяться ускоренным темпом, а к середине второго десятилетия XX столетия они оказались столь далеки друг от друга, что примирить их было невозможно. Поэтому и свержение монархии, которая олицетворяла всё то старое и отжившее, что уже было неприемлемым

для абсолютного большинства населения (независимо от того, задумывались ли они о революционных преобразованиях или нет) в феврале 1917 г., оказалось спонтанным и довольно лёгким. Реальных сторонников монархии, которые встали бы на её защиту, практически не нашлось. Даже казаки, которые находились в столице именно для поддержания монархического порядка и в силу этого были освобождены от отправки на фронт (речь идёт именно о частях казаков, расквартированных в Петрограде), отказались выступить против народных масс, когда начались волнения. При этом, казалось бы, непосредственно казаки не выигрывали от тех перемен, к которым призывали выступившие рабочие. Земля у казаков была, повышения заработной платы или пайка им было не нужно и т.д., но справедливость требований революционно настроенного населения им была очевидна.

После отречения от престола Николая II перед Временным правительством открылись, как казалось, широкие возможности по проведению в жизнь буржуазно-демократических преобразований, однако на деле главные насущные вопросы решены не были. Затягивалось решение земельного вопроса (Временное правительство ссылалось на необходимость созыва для этого учредительного собрания), наиболее остро стоявшего на повестке дня в тот период, в подвешенном состоянии находились вопросы формы правления, отмены устаревших сословных привилегий и т.д. Республика была провозглашена только 1 (14 по новому стилю) сентября 1917 г., когда популярность Временного правительства шла на убыль, и затягивать вопрос о форме правления не было уже никакой возможности. Продвигался только переход к новым органам местного самоуправления, созданным и работающим на демократических началах. Был учреждён Государственный банк городского и земского кредита. Да и то летом 1917 г. началось формирование только волостного звена местного самоуправления (по Постановлению от 21 мая 1917 г.). 9 июня было принято Положение об изменении действующих положений об общественном управлении городов, а 15 июля 1917 г. — Положение о поселковом управлении. Но фактически городское, уездное и губернское новое самоуправление начало внедряться лишь в конце лета — осенью 1917 г.

Даже восьмичасовой рабочий день, который к тому времени стал самым обычным требованием, постепенно вводившимся в тех или иных странах и не выходящим за рамки буржуазно-демократических преобразований, провозглашён не

был. Его установило только правительство большевиков 29 октября (11 ноября по новому стилю) 1917 г. Декрет о земле (второй акт после Декрета о мире) был выдержан в буржуазно-демократическом духе, основываясь на крестьянском наказе о земле, который сформировали эсеры, но до прихода к власти большевиков не придали ему законодательной силы. Впрочем, и другие преобразования буржуазно-демократического характера пришлось проводить правительству вначале большевиков, затем большевиков и левых эсеров, потом опять большевиков наряду с преобразованиями социалистического характера. Пришлось большевикам спасать страну и от полного распада, так как Временное правительство не решало национального вопроса, но в то же время и не противопоставляло никаких реальных альтернатив действиям националистов, стремившихся к отделению от России тех или иных регионов. Можно упомянуть также, что В. И. Ленин высказался о возможности установления федерации в России впервые лишь в декабре 1917 г. (до этого он настойчиво на протяжении многих лет выступал против федерализации России), когда надо было спасать уже распадавшуюся вследствие бездеятельности Временного правительства республику. Нерешённость и фактическое уклонение от решения насущных проблем, которые и привели к свержению монархии, подорвали легитимность и Временного правительства. Именно в таких условиях большевики и пришли к власти, начав серьёзное реформирование страны.

Н. В. Кроткова, заместитель главного редактора журнала “Государство и право” РАН, канд. юрид. наук. Первые советские юридические журналы (ноябрь 1917 г. — 1930-е годы)

1917 — год Октябрьской революции и установления Советской власти стал началом активного издания юридических журналов. Перед властью в сфере печати стояли две задачи: ликвидация оппозиционной и становление новой прессы, включая журналы юридической направленности.

В ноябре 1917 г. был основан журнал *“Власть Советов”*. В нем среди прочих нашла отражение весьма актуальная тема — взаимоотношения Советов с местным населением. На его страницах освещались задачи советского правопорядка. Был рассчитан преимущественно на центральных и региональных советских и партийных руководителей, ученых. В 1925 г. основной читательской аудиторией становятся работники ЦИК АССР, краевых и областных исполкомов, городских и поселковых советов, райисполкомов,

сельсоветов. В 1938 г. журнал прекратил свое существование.

В связи с ростом потребности работников юстиции в теоретических знаниях Наркомюст РСФСР в 1918 г. начал издание первого ежемесячного журнала *“Пролетарская революция и право”*. Статьи носили теоретический характер и были посвящены принципам советского права и построения новых судебных учреждений. В журнале помещались отчеты Наркомата юстиции РСФСР и отдельных губернских комиссариатов юстиции, обзоры практики местных судов, богатый статистический материал о состоянии преступности в 1918–1919 гг., различные официальные материалы. Журнал сыграл значительную роль в становлении советского права и органов юстиции. Однако издавался он недолго, прекратив свое существование в 1921 г.

Публикация издания *“Материалы Народного комиссариата юстиции”* началась в 1918 г. и продолжалась до 1922 г. В журнале помещался в основном официальный материал, но печатались также и статьи по отдельным отраслям советского права, по спорным вопросам судопроизводства и процессуального права. *“Материалы Народного комиссариата юстиции”* представляют интерес в том отношении, что они в известной мере показывают становление и развитие органов юстиции в первые годы существования Советского государства.

Двухнедельный юридический журнал *“Голос права”* издавался в Харькове с декабря 1918 г. по январь 1919 г. Печатал теоретические статьи по вопросам действующего частного и публичного права, обзоры судебной практики, законодательных актов и юридической литературы, информацию о деятельности юридических факультетов, обществ, адвокатуры, нотариата и т.п.

В 1922–1923 гг. начинается регулярный выпуск юридических журналов. Именно в 1920–1922 гг. была осуществлена разработка проблем по вопросам истории милиции. Во многом этому способствовало появление ежемесячного научно-популярного журнала *“Рабоче-крестьянская милиция”*, издававшегося в Москве в 1922–1924 гг. В марте 1923 г. журнал вышел под названием *“Новый путь”*, но вскоре вернул себе прежнее. В 1924 г. переименован в *“Административный вестник”* и стал органом НКВД. На его страницах освещались вопросы административного управления, практической деятельности органов милиции, уголовного розыска, загсов и мест заключения. Издание просуществовало до сентября 1930 г., начатое как массовый милицкий

журнал, постепенно выродилось в своего рода официальный бюллетень. В 1931 г. в связи с ликвидацией НКВД РСФСР прекратилось и издание журнала, что значительно уменьшило возможность публикации работ по вопросам истории правоохранительных органов. Преемником в 1955 г. становится журнал *“Советская милиция”* (с 1991 г. – *“Милиция”*; с 2011 г. – *“Полиция России”*).

В 1923 г. увидел свет первый (и последний) номер шестинедельного научно-популярного с иллюстрациями в тексте журнала *“Криминалист”*. Журнал ставил целью изучение вопросов преступности и мер борьбы с нею, способов расследования преступлений и наиболее совершенных методов отправления уголовного правосудия; стремился способствовать поднятию уровня знаний лиц, стоящих на страже уголовного правосудия, и подготовить их к высококвалифицированной практической деятельности по защите революционного правопорядка. Публиковались также приказы, распоряжения, циркуляры и разъяснения центральных органов по соответствующим вопросам.

7 декабря 1921 г. Коллегия Народного комиссариата юстиции РСФСР, откликаясь на резолюцию XI Всероссийской конференции РКП (б) о “переходе к мирному хозяйственному строительству и водворению во всех областях жизни строгих начал революционной законности”, принимает постановление: в целях усиления пропаганды советского права и разработки его предпринять выпуск журнала – *“Еженедельник советской юстиции”*. Первый номер вышел в свет 1 января 1922 г. С 1928 г. *“Еженедельник советской юстиции”* стал выходить с приложением *“Судебная практика РСФСР”* под редакцией Председателя Верховного Суда РСФСР П. И. Стучки, который в 1929 г. стал главным редактором журнала. *“Еженедельник советской юстиции”* был рассчитан главным образом на практических работников юстиции. Популярности журнала способствовал взятый им курс на разработку и разъяснение общих и текущих вопросов советского законодательства, судебной и административной практики, на оказание помощи судебным работникам в осмысливании правовых проблем. Журнал быстро откликался на запросы с мест, оперативно освещал местный опыт работы органов юстиции и поддерживал тесную связь с читателями. С января 1930 г. журнал получил новое название – *“Советская юстиция”* (ныне – *“Российская юстиция”*, старейший юридический журнал).

В условиях относительной идеологической свободы в 1922 г. начался выпуск частного журнала *“Право и жизнь”*. Журнал был заявлен как издание, посвященное вопросам права и экономического строительства, затрагивал общие вопросы о законности и революции и на протяжении всей своей непродолжительной истории придерживался намеченной проблематики. Однако журнал неоднократно критиковался за недостаточно четкую классовую позицию, появился термин “устряловщина в праве”, возникли обвинения в уклонизме. В 1928 г. журнал прекратил свое существование. Независимый научно-правовой журнал “Право и жизнь” возобновлен в 1992 г., в 2016 г. вышли последние пять номеров этого издания.

С 1922 г. также стал издаваться журнал *“Советское право”*, учрежденный Институтом советского права — первым советским научным учреждением, созданным для объединения и подготовки марксистских кадров в области юриспруденции. Как утверждал нарком юстиции Д. И. Курский, журнал должен собрать научную общественность для изучения права с марксистских позиций, что в итоге приведет “к построению системы советского права”¹¹. Журнал не имел редколлегии и постоянных авторов. Выходил под общей редакцией директора Института советского права, проф. А. Г. Гойхбарга. Позиция последнего оказывала значительное влияние на содержание и общий тон других публикаций журнала и заключалась в трактовке права как формы идеологии, призывах антиправовой по аналогии с антирелигиозной пропаганды, скептическом отношении к самому термину “право”, который следовало бы заменить другим¹². Последние номера журнала вышли без указания фамилий, под редакцией коллегии Института. Издание просуществовало до 1929 г., а затем было преобразовано в *“Записки Института советского права”*.

“Вестник Коммунистической академии” — орган Коммунистической академии. Издавался в Москве с ноября 1922 г. по октябрь 1935 г. До 1924 г. выходил под названием *“Вестник Социалистической академии”*. В журнале помимо работ по проблемам марксизма-ленинизма, социально-экономических наук, всеобщей истории и истории СССР, экономики, истории философии помещались статьи по теории государства и права. Данное печатное издание освещало работу самой Коммунистической академии, а также

институтов красной профессуры и других подобных учреждений.

В Харькове в 1922–1926 гг. выходил *“Административный вестник”* (на укр. и рус. яз.).

В 1922–1934 гг. — двухнедельный журнал *“Вестник советской юстиции”* (на укр. и рус. яз.). Первые два номера вышли под названием *“Вестник советской юстиции на Украине”*. В дальнейшем, до начала Великой Отечественной войны, издание журнала осуществлялось в Киеве. В журнале печатались статьи общего государственно-политического характера, теоретические разработки по различным отраслям права, освещались вопросы практики правоохранительных органов, судов, арбитража, предоставлялась информация о правовой жизни. Возобновлен в 1958 г. С 1992 г. выходит под названием *“Право України”*.

В Москве в 1926 г. издательство “Правовая защита” выпустило журнал *“Революционная законность”*. На его страницах рассматривались вопросы гражданского, уголовного, трудового, хозяйственного, крестьянского, административного и финансового права, а также законодательная деятельность и правовая жизнь Союза ССР.

В феврале 1927 г. увидел свет юридический теоретический журнал *“Революция права”*¹³ — орган Секции общей теории права и государства Коммунистической академии. Появление нового журнала стало важным событием в научной жизни советской юридической науки. Как указывалось в программе издания журнала, он должен был стать трибуной воинствующего материализма в советской юридической науке. Журнал ставил своей задачей освещение общих вопросов теории государства и права и общих линий нашего законодательства и практики с точки зрения революционного марксизма и ленинизма. Борьба с буржуазным юридическим мировоззрением, строго выдержанный материалистический, классовый и революционно-диалектический подход к вопросам государства и права — такова теоретическая платформа журнала. Передовая статья первого номера оценивает ситуацию в отечественном правоведении следующим образом: появились уже коммунистическое ядро юристов и “предпосылки не только для теоретической обороны, но и для организованного наступления”¹⁴. Это наступление требуется вести по линии “материалистического, классового, революционного диалектического подхода к вопросам

¹¹ Советское право. 1922. № 1. С. 3, 4.

¹² См.: Яшук Т. Ф. Юридические журналы 1920-х годов как источник по истории советского правоведения // Вестник Омского ун-та. 1999. № 1.

¹³ Более подробно см.: Кроткова Н. В. Журналу “Государство и право” — 85 лет // Гос. и право. 2012. № 4. С. 11–28.

¹⁴ Революция права. 1927. № 1. С. 4.

государства и права”¹⁵. Данное утверждение не было голословным. К 1925 г. под эгидой Коммунистической академии завершилась колоссальная работа по выпуску многотомной “Энциклопедии государства и права”, которая рассматривалась как основа для дальнейшей разработки вопросов государства и права с марксистских позиций.

В журнале обязательно печатались статьи, подводившие итоги и намечавшие перспективы дальнейших научных изысканий. Уделялось внимание развитию юридического образования в стране. В 1927 г. на его страницах освещалось 10-летие Октябрьской революции. П. И. Стучка, возглавлявший журнал с 1927 по 1930 г., выступил с программной статьей “Три этапа советского права”. Были опубликованы важнейшие декреты Правительства СССР и РСФСР за 10 лет. Подведены итоги десятилетнего международно-правового положения Советской Республики. Размещены статьи о советской уголовной политике, советском промышленном праве за этот период. Отражена борьба Советского государства с бюрократизмом. В статье Н. В. Крыленко были определены задачи журнала “Революция права”. Многие статьи носили дискуссионный характер, что было естественно в период поиска организационно-правовых основ развития советской юстиции.

Следует отметить, что среди вышеназванных журналов “Советское право”, “Право и жизнь”, “Революция права” занимали особое место в периодике, затрагивавшей проблемы советского права. Они являлись исключительно научными изданиями, не печатали нормативных актов, касались самых разных вопросов права, объединяли ведущих юристов страны, отражали многообразие их мнений. Издание же журналов “Советское право” и “Революция права” стало важным этапом в консолидации юристов, избравших марксистскую позицию, а также показателем существенного сдвига, произошедшего в юридической науке.

С 1930 г. журнал “Революция права” выходил под названием “*Советское государство и революция права*”, а с 1932 г. — “*Советское государство*” и освещал уже не только общетеоретические проблемы, но и конкретные вопросы строительства государственного аппарата, в том числе органов юстиции. В 1939 г. журнал сменил название на “*Советское государство и право*”. С середины 1992 г. выходит как “*Государство*

и право”. В феврале 2017 г. журнал отметил 90-летний юбилей¹⁶. Как отметил Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, «при изменении названия журнала не менялось его предназначение как авторитетнейшего рупора отечественной юридической науки. Концептуальный характер статей, насыщенность их научной мыслью, широкий отраслевой охват с акцентом на теорию права и государствоведение, безупречная редакторская проработка материалов давно стали его фирменным стилем. Нынешнее поколение сотрудников журнала сохраняет и приумножает лучшие традиции научной юридической периодики.

“Государство и право” занимает и, уверен, будет занимать среди научных юридических журналов достойное место. Статья, опубликованная в Вашем журнале, продолжает быть весомым знаком признания научной состоятельности тех авторов, кто удостоился данной чести, и заветной мечтой тех, кто стремится достичь этого этапа научной карьеры. Определенный консерватизм, присущий журналу в стилистике и редакционной политике, лишь подчеркивает его академический статус»¹⁷.

Важные сведения о работе органов прокуратуры и следствия содержатся в журнале “*За социалистическую законность*”, выходившем в 1934–1935 гг. в Москве. С 1936 г. — “*Социалистическая законность*”. Журнал освещал политику партии и правительства в деле укрепления социалистической законности, актуальные проблемы теории советского права, помещал статьи и официальные материалы, а также предложения по совершенствованию советского законодательства, консультации, методические советы и рекомендации практическим работникам суда, прокуратуры, арбитража, нотариата и т.д. С 1992 г. выходит под названием “*Законность*”.

Подводя итог, можно отметить, что юридические журналы первых двух десятилетий существования молодой Советской Республики являются неоценимым источником в исследованиях по теории и истории государства и права. Велика их роль в становлении права и государственного аппарата, в том числе органов юстиции. Журнальные материалы помогают воссоздать исторический фон описываемых событий. Таким образом,

¹⁵ Там же. С. 3.

¹⁶ См.: Поздравления в адрес журнала “Государство и право” // Гос. и право. 2017. № 2. С. 5–31; Добрынин Н. М., Марочкин С. Ю., Романчук С. В. Право и государство как отражение жизни страны // Там же. С. 32, 33.

¹⁷ Поздравления в адрес журнала “Государство и право” // Там же. С. 5.

анализ данного вида источника позволяет глубже понять реализацию основных положений политики Советской власти.

Б. С. Эбзеев, член Центральной избирательной комиссии РФ, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ

Российскую социал-демократию принято считать прямой наследницей теории научного социализма К. Маркса, которая задолго до возникновения социал-демократического движения в России одержала победу в западноевропейском рабочем движении. Однако в действительности наследодателей оказалось значительно больше, а идейные истоки Великой российской революции — существенно шире. Большевизм синтезировал в своем содержании различные, порой кажущиеся несовместимыми взгляды и представления; одни из них выросли из отечественной социальной и государственно-правовой традиции, другие были заимствованы.

При этом наиболее узнаваемой чертой, общей для, казалось бы, разных социальных и политических теорий, оказавших влияние на социал-демократическую мысль России, выступал примат коллективного в организации социума. В частности, в уверенности большевизма в своей способности единовременного и окончательно преодоления в пределах объективированного природно-исторического мира противоположности личности и общества и выборе способа такого преодоления отчетливо просматриваются позитивистская социология О. Конта и органическая теория государства и права — этого, по замечанию видного русского государствоведа Н. Н. Алексеева, “поголовного увлечения политиков и государствоведов в первой половине XIX века”, для которой индивид существует только как член высшего организма, и это должно приниматься в качестве “естественно-необходимого факта”. Причем решение проблемы большевизм видел не в поиске рациональной модели взаимодействия личности и общества, а в утрате индивидом реального бытия; интересы и благо личности, как и индивидуальная бытийность, поглощаются общественным целым, высшей формой которого выступает государство.

Именно органическая школа (пусть и существенно переработанная в конце XIX — начале XX в.) была особенно близка российской социал-демократии своим основным тезисом, что общественное целое “первее” личности. Этот тезис сочетался с пониманием государства как более или менее искусственной связи между отдельными социальными единицами. Однако если

последователи органицизма видели социальную целостность в государстве, то русские марксисты — в классах и противопоставляли эту целостность “эксплуататорскому государству”.

Столь же близко российской социал-демократии было руссоистское понимание демократии, совпадающее с понятием демократической формы правления, т.е. понятием непосредственного народоправства, соединяющего законодательство с исполнением. Это понимание основывалось на принципе политического монизма общества и социального равенства его сочленов, а также соединении в каждом гражданине властвующего и подвластного путем всеобщего участия в народном собрании. Большевистская партия оказалась прозорливей большинства современников, она разглядела за пасторальными картинами Руссо новый абсолютизм, приходящий на смену монархии, — основанное на “единстве воли” “самодержавие народного суверенитета”, атрибутивным свойством которого выступало социальное насилие.

Партия большевиков задолго до пришествия Октября 1917 г. разработала принципиальные политические основы конституционного строительства России, которые развивались и серьезно корректировались под влиянием политической ситуации в обществе и ее теоретического осмысления. Уже в первых актах Советской власти юридически провозглашались многие политические и социальные требования, содержащиеся в программе большевиков. Но они касались лишь отдельных аспектов устройства общества. Манифестом же нового социального строя, явившимся одновременно концентрированным выражением Великой российской революции, стала принятая в январе 1918 г. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, подобно тому как манифестом Великой французской революции — Декларация прав человека и гражданина 1789 г. Если смысл французской Декларации заключался в утверждении в организации общества персонацентризма, российская Декларация знаменовала пришествие эпохи системоцентризма. Именно Декларация 1918 г., включенная позднее в Конституцию РСФСР в качестве ее первого раздела, явилась моделью коллективистской организации социума, которая с фанатичной последовательностью, не терпящей никакого сопротивления и не останавливающейся перед насилием, осуществлялась одержавшей победу партией. За “трудящимся и эксплуатируемым народом” Революция не видела человека в его индивидуальном бытии.

Этим предопределялся ответ Революции на два ключевых вопроса эпохи — о власти и свободе.

Отвечая на вопрос о власти, Конституция легализовала доведенный до крайности этатизм, заключающийся в абсолютизации роли государства, оказывающего решающее воздействие на все сферы общественной жизни и индивидуальной бытийности человека, который в экономическом материализме получил новое звучание и дополнительное обоснование, в качестве фундаментального начала устройства нового общества. Он корректировался, но никогда не ставился под сомнение.

Системоцентристская модель организации общества, сформированная социальной практикой Революции, не могла ограничиться обобществлением собственности или строго иерархической организацией политической системы, ее функционирование требовало и одномерности духовно-культурной сферы, будь то политические взгляды, философия, литература, искусство и проч. Утверждению идеологического монизма активно служила находившаяся в процессе становления юриспруденция социализма. Огромный пласт мировой и отечественной гуманистической правовой мысли в лице ее самых видных представителей оказался отвергнут и предан забвению. Рядом с одержавшим победу мировоззрением, явившимся основанием “высшего типа государства и права”, не нашлось места для естественно-правовой теории, равно как для теории правового государства или верховенства права, которые могли бы поставить под сомнение самое фундаментальное основание Советского государства — диктатуру пролетариата.

Революция, провозглашавшая высокие цели, пришла к установлению тирании. Власть, не связанная законом и правом, и личность как правовое ничто на десятилетия предопределили характер взаимоотношений государства и человека, лишенного своей индивидуальности. Диктатура, суровая, замешанная на крови, не приемлющая традиционных демократических институтов властвования, рассматривалась партией большевиков в качестве единственного способа подавления внутренних врагов и отпора смертельной для отечественной государственности опасности извне.

Что же касается учения научного социализма о свободе, она была едина с иными коллективистскими концепциями в признании свободы личности лишь частью свободы, которой располагает общество в целом. Именно общество есть единственный источник права, что же касается отдельного человека — он получает свои права от

общества, которое, посредством государства даровав индивиду права, может в любой момент отнять их.

Как раз поэтому В. И. Ленин никогда не писал о правах человека, соответственно, это понятие не было известно конституционным актам Революции. И это не случайность, но результат глубокого осмысления большевистской партией данного феномена Нового времени, которому в системе преследуемых Революцией целей и декларируемых ею ценностей, действительно, не было места.

Человеку не были оставлены даже самые затаенные уголки, включая семью и брак. Абсолютный монарх уступил место государству без меры и границ. Субъектами свободы стали коллектив, общество, государство. Что же касается личности, ее ценность определялась лишь исполнением возложенной на нее социальной функции, выполнение которой должно было обеспечиваться всей мощью государства. Могущество государства ничем не могло ограничиваться. Право свободно думать и право творить свободу, устанавливая ее границы, новый общественный строй всецело оставлял на усмотрение власти; общество должно было удовлетворяться равенством в отношении средств производства и справедливостью в распределении социальных и материальных благ в понимании этого строя.

В понимании В. И. Ленина права и свободы носили классовый, а не общечеловеческий характер, соответственно, написанный им важнейший акт, сформулировавший фундаментальные начала государственности нового типа, назывался Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Причем логика классовой борьбы, составляющая идейное основание Революции, четко определяла содержание понятия “народ” и границы распространения прав и свобод — трудящийся или эксплуататор. Как раз в этой связи закономерно, что программа РКП(б), принятая VIII съездом партии в 1919 г., решительно отвергла “глубоко вкоренившиеся предрассудки насчет безусловного характера буржуазных прав и свобод”. Вместе с “программой-минимум”, существенную часть которой составляли эти права и свободы, они остались в прошлом. Демократия, говорилось в новой партийной программе, была и остается классовым явлением, служит интересам определенного класса или классов и социальных групп. «Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о “чистой демократии”, пока существуют различные классы, а можно говорить только о классовой демократии».

Революции были чужды представления о возможности иной свободы, кроме той, которая состоит в неограниченном подчинении индивида общей воле народа. Свобода выбора уступила место свободе должностования.

Таким образом, общество — цель, индивид — средство; он не может быть вооружен субъективными правами против общества как целостного социального организма, в котором сам занимает отведенное ему место и выполняет уготованную социальную роль. “Трудовой народ” имеет право “на все”. Одновременно являясь носителем суверенитета и объектом властвования, он не нуждается в защите себя от самого себя же как носителя власти.

Характерный для эпохи органицизм, нашедший благодатную почву в доведенном до крайности коллективизме и идеологеме марксизма о неизбежном отмирании государства, одержал победу и в части конституционного устройства статуса личности. Конституционные права как выражение свободы в традиционном для индустриального общества понимании как свободы человека в его индивидуальном самоопределении и гарантии от государственного вмешательства в индивидуальную автономию личности, как это провозглашалось в программе РСДРП, уже не вписывались в привнесенный Великой российской революцией тип взаимодействия индивида и общества.

Отрицание естественных прав человека, неотчуждаемых и неприкосновенных для государства, привело к отказу от признания за провозглашенными в Конституции публичными правами субъективной природы. Основные права гражданина с этой точки зрения есть не субъективные, а рефлексивные права, т.е. результат объективного права, очерчивающего пределы компетенции государственной власти; следовательно, юридическая конструкция конституционных прав призвана из объективных абстрактных правовых норм, закрепленных в Конституции, вывести права и полномочия государственной власти и границы ее вторжения в сферу человеческой бытийности, но не запреты и ограничения для государства. Все соединено в законодательной власти. Именно она устанавливает эти границы по собственному произволению, не подлежащему контролю суда, ибо в противном случае суд был бы поставлен выше народа, воля которого воплощена в законодательной власти.

Принципиальная новизна этой модели заключалась в понимании свободы индивида как его участия в созидании нового общества, а самих

прав и свобод — как средства социализации индивида. Этим, с одной стороны, предопределялось содержание этих прав и механизма их реализации, в системе гарантий которой доминирует обязанность государства предоставить носителю прав материальное обеспечение, а не суд; с другой стороны, исключался конфликт между “государственным интересом” и индивидуальной свободой.

Таким образом, теоретики социализма в России создали из него строгую и суровую доктрину, синтезировавшую взгляды европейской социальной науки, представления революционного народничества и опыт социокультурного развития самой России и проникнутую самопожертвованием и лишениями во имя революционного переустройства общества. Они смотрели на человека и сам народ как на собственность государства, в котором, однако, не было места для старого хлама “буржуазно”-демократических прав и свобод, принципов верховенства права или правового государства, которые уже в тот исторический период на фоне возрождения естественного права обретали характер императива эпохи.

В этом была своя особая логика, продиктованная социальной необходимостью. Если воздержаться от следования распространенному обычаю судить о прошлом с позиции современных идеалов, следует признать, что именно такая практика государственного строительства, суровая и часто жестокая, требующая отказа от частных интересов во имя государства и добивающаяся этого силой, способствовала сохранению отечественной государственности, ибо более всего служила формированию солидарных интересов различных общественных групп.

В короткий исторический срок Революция добилась выдающихся результатов в экономической, социальной и духовно-культурной сферах. Но даже самые выдающиеся из творцов Революции не предвидели, что как раз в отказе от личностного начала в организации социума и гипертрофии коллективизма, не оставляющего места индивидуальности, заключается причина будущего поражения того великого социального эксперимента, который теоретически обосновывался в их трудах.

В. Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юрид. наук, доктор филос. наук, проф. *Революция как патология государственного сознания*

В год столетия русских революций, ставших одним из поворотных пунктов нашей истории, слышно много хвалебных слов в адрес советской власти. Это и понятно: на фоне великого советского проекта современное Российское государство выглядит бледно и неубедительно. Главная черта современной политической России — ее переходный и неустойчивый характер. Очевидно, что наша страна переживает мучительный процесс поиска новой политической формы, способной соответствовать архетипам русского национального сознания. XX век для России — один из тяжелейших: две мировые войны и четыре революции (1905, в 1917 — две, 1991). За этот период страна дважды радикально меняла курс своего политического и экономического развития. Итог последнего столетия поражает: колоссальные территориальные потери и многократное ослабление политической, экономической и военной мощи России. Имея такой результат, советская государственность предстает уже не в столь радужном свете. Советская власть в целом вроде бы сумела принять и отразить вызовы и угрозы современности. Более того, на пике своего могущества она подчинила себе половину мира и оказала заметное влияние на ход мировой истории. В XX в. в известном смысле осуществилась идея славянофилов о русском мессианизме: Россия действительно несла народам мира новые идеи и ценности. Вместе с тем поражает краткосрочность советского проекта: по историческим меркам “красная империя” просуществовала микроскопический отрезок времени. Через 500 лет, например, если наша страна доживет до этого, в учебниках по истории России данный период может занять не более одной страницы текста. Это старшие поколения, прожившие значительную часть своей жизни при советской власти, готовы ее обсуждать эмоционально и пристрастно, для молодежи советская эпоха — такой же далекий факт истории, как Киевская Русь или Московское царство.

В заслугу советской власти часто ставят индустриализацию, широкие социальные гарантии, достижения в области образования и науки. Все это вроде бы было, но следует помнить и другие очевидные вещи. Русское крестьянство, подавляющее большинство народа на момент 1917 г. вместо земли и воли (лозунг народничества) получили принудительный труд в колхозах, голод и стройки народного хозяйства в системе ГУЛАГа. Образование и обществоведческая наука в России дважды за XX в. понижали свой уровень: после 1917 и 1991 гг. Выпускник царской гимназии, например, по уровню своих знаний

вполне сопоставим с молодым специалистом, закончившим какой-нибудь советский педагогический вуз. Представители дореволюционного преподавательского корпуса, знавшие, как правило, древнегреческий и латынь, два-три европейских языка и изучавшие свою отрасль знания по оригинальным европейским источникам, не шли ни в какое сравнение с красной профессурой.

Тяжелейшее наследие советской власти — федеративное устройство страны. Можно, конечно, сказать, что советская федерация и современная российская федерация — это, так сказать, вынужденный, единственно возможный политический компромисс, позволяющий мирно и на условиях взаимовыгодного сотрудничества русскому и нерусским народам жить в одной стране. С точки зрения официальной политической идеологии и требований политкорректности вроде бы все верно. Вместе с тем нельзя игнорировать очевидный факт: СССР распался по границам, искусственно начерченным советскими вождями. В итоге на исходе XX в. русские оказались разделенным народом, права которых попираются в бывших национальных окраинах Российской Империи. А речь идет о миллионах людей. Федеративное устройство современной России также вызывает большие сомнения. Разработчики Конституции РФ 1993 г., раздробив страну (моноэтническую по европейским стандартам: 80–85% русские) на многочисленные субъекты Федерации, резко понизили уровень ее единства. Официально принятая концепция российского федерализма позволяет вполне легально (на научном и политико-практическом уровнях) обсуждать тему децентрализации России, а между тем грань между децентрализацией и дезинтеграцией едва уловимая.

Таким образом, можно сделать вывод, что русские революции стали одновременно и причиной, и следствием патологии государственности России. В начале XX в. был запущен процесс ее распада, который продолжается до настоящего времени. Попробуем рассмотреть данную проблему теоретически, без политической пропаганды и идеологических штампов.

Еще А. И. Герцен и П. Л. Лавров различали революцию социальную и политическую. Если первая заканчивается переустройством всего общества, то в результате второй коренным образом меняется власть. На первый взгляд разграничение удачное, но в данном случае остается неясным, как может радикально поменяться власть без изменения остальных институтов общества, ведь в обществе все взаимосвязано.

Классики марксизма поставили вопрос более основательно, связав революцию с изменением формы собственности. Известные истории революции (буржуазные, социалистические, национально-освободительные) всегда сопровождались перераспределением материальных благ. Это и понятно: всегда и везде власть была важнейшим инструментом организации хозяйства и распределения материальных благ. Материальное производство — основа физического выживания людей, а значит, основа общества и всех его институтов, включая государство. Поэтому невозможно себе представить политическую революцию как радикальную трансформацию власти без существенных изменений в остальных сферах жизни общества: в хозяйстве, культуре, сознании. В этом смысле марксистская модель “базис — надстройка” абсолютно верна, поскольку позволяет рассмотреть революцию как неотъемлемую часть общественного процесса. Революция — это не дворцовый переворот, ничего не меняющий в обществе, это радикальная смена власти, отражающая коренную ломку социальных институтов, ценностей и норм.

Марксистская школа дала детальный анализ механизма происхождения и функционирования государства. Ф. Энгельс показал, как могло возникнуть государство из первобытной общины, К. Маркс и В. И. Ленин обосновали, как им казалось, механизм рождения государства из горнила революции. Все это идейное наследие не утратило ценности и в настоящее время, но на заднем плане осталась проблема распада государств. Точнее сказать, данный процесс представлен в историческом материализме схематично и бегло. Ход рассуждений здесь примерно такой: человечество развивается прогрессивно по направлению к коммунизму, смена общественно-экономических формаций влечет за собой смену форм государства; когда материальные условия жизни людей достигнут высочайшего уровня, классы и государство исчезнут. Государство уходящей формации гибнет потому, что на авансцену истории выходит новый, более прогрессивный класс, создающий новые институты власти. Данная схема представляет известный интерес для обоснования коммунистической идеи, но за ее рамками оказывается невыясненной проблема гибели конкретных национальных государств. Так, Римская империя исчезла, на ее месте образовались многочисленные варварские государства. С точки зрения логики марксизма здесь все закономерно: рабовладельческий строй сменяется на феодальный как более эффективный в экономическом отношении, за рабовладельческим государством

следует феодальное. Но на вопрос, почему все-таки Римская империя, одна из самых могущественных в мировой истории, рухнула, ответить очень не просто. В гигантском массиве литературы, посвященной Риму, мы найдем указания на политические, экономические, религиозные и всякие другие причины, но все это — на уровне гипотез, полной ясности здесь нет.

В либеральных кругах часто можно услышать, что все империи рушатся, таков удел всех сверхмощных политических образований, построенных по преимуществу на насилии. Однако, как говорит второй закон термодинамики, энтропия, т.е. необратимый распад, присуща любым формам материи. Или, как утверждал Гераклит Тёмный, мироздание существует в виде двухтактной фазы: рождение и гибель. Не исчезает только материя, формы ее постоянно меняются. Гибнут не только империи, гибнут все политические тела независимо от их приверженности праву или насилию. Главное в государстве — не способ организации власти, не степень опоры на законы, а ее действительность, способность к выживанию и эффективному управлению страной. Государство — это организация людей, где первостепенную роль играют не материальные условия жизни или природная среда, а сознание и воля народа. Как писал русский консерватор и монархист И. Л. Солоневич, только та нация создает государство, которая имеет государственный инстинкт. Все нации, утверждает он, стремятся создать культуру, государственность, и, наконец, империю, и если они этого не делают, то не потому, что не хотят, а потому, что не могут. Иначе говоря, государственное сознание — это данность, которая у народа либо есть, либо нет. Схожую мысль мы находим у Аристотеля и Гегеля. По Аристотелю, форма предшествует материи, форма первична и активна, материя вторична и пассивна. Люди (материя) организуются в государство потому, что в их сознании есть идея государства (форма). Обратный процесс невозможен: человеческие коллективы, у которых нет политического сознания, не способны к государственному строительству. Гегель, апеллируя к сознанию как подлинной основе государства, делит народы на исторические и неисторические. Первые — это те, которые создают государства и с их помощью определяют ход мировой истории, вторые — никак не проявляют себя в политическом отношении. Данный факт мировой истории философ также связывает со спецификой политического сознания. Русский гегельянец И. А. Ильин, развивая данный подход, свел сущность государства к правосознанию. Внешнее эмпирическое государство, рассуждал

он, есть только одна из форм, один из способов существования правосознания. Государство в своей основе — это императивы сознания, организующие народ в политическое тело и требующие от граждан повиновения и дисциплины.

Феномен революции непосредственно связан с экономикой и политикой. Резкое ухудшение материального положения широких народных масс и неспособность власти управлять страной (Ленин: “верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому”) делают революцию неизбежной. Но общенациональный кризис в экономике и политике — это только условия, в которых оказывается страна. Эпицентр, откуда идут импульсы дезорганизации социальной жизни, — общественное сознание, именно здесь располагается спусковой крючок революционного хаоса. Психическая эпидемия всеобщего неподчинения ломает иерархию власти, рвет горизонтальные и вертикальные связи между органами управления. Самое опасное, что здесь может произойти, — разрушение стереотипов государственного сознания, после чего воссоздание государственной ткани может оказаться невозможным. Бунты были всегда и будут всегда. История государств — это история бунтов против власти и их подавления. Как верно заметил М.А. Рейснер, массы всегда в той или иной мере анархичны и потенциально таят в себе угрозу для государства. Весь вопрос в том, насколько сильны архетипы власти в том или ином народе. Практически вопрос стоит так: есть ли в обществе сила (класс, сословие, партия и т.п.), способная обуздать революционный хаос и привести массы в привычное для них состояние повиновения? Появляющаяся в ходе революции диктатура может свидетельствовать об инстинкте государственного самосохранения, еще живущего в народе.

Проблема насилия в эпоху революции — одна из центральных. Обычно революции изображаются как восстание народа против власти, как справедливый гнев народных масс против тирании. Однако механизм революции гораздо сложнее. Государство вырастает из общества, но возникнув, противостоит ему как самостоятельная сила, как самостоятельный организм, имеющий собственные интересы и обладающий инстинктом самосохранения. Первичность общества, спонтанность, стихийность его существования и развития воспринимаются властью (осознанно или неосознанно) как сфера неконтролируемой свободы, представляющей угрозу власти. Государство (правлящий класс, бюрократия) всегда воспринимает массы, подвластное население как

угрозу своему господству и относится к нему настороженно. В природе государства заложено применение насилия, в этом смысле государство, применяя насилие, следует своей природе. Проявление слабости со стороны государства вызывает в обществе презрение. Государство возникает как институт, призванный установить единый правопорядок и подчинить всех единой власти. Общество явно или неявно дает санкцию государству на насилие в отношении нарушителей правопорядка. В данном случае государство, борясь за свое господство внутри страны, реализует запрос общества на поддержание стабильности и порядка, ведь хаос и массовые беспорядки — угроза не только государству, но и обществу. Поэтому государство, подавляя восстания и беспорядки, предохраняет общество от разрушения.

Вместе с тем государство и общество — единая живая среда, где стихийность и естественность — основа их взаимоотношений. Да, есть законодательная регламентация жизни общества и государства, но главная основа их взаимоотношений — естественно сложившийся уклад жизни. Власть и исходящие от нее законы воспринимаются как нормальное следствие данного уклада — не больше. Если по тем или иным причинам уклад ломается, данная конкретная власть перестает восприниматься как нечто самоценное и самозаконное. Массы восстают против власти не только потому, что видят в ней источник своих бедствий, но также в силу того, что не усматривают в ней естественной связи с собой и своим укладом жизни. В данном контексте право народа на восстание или на сопротивление власти есть, конечно, фикция, мифологема, пустая фраза. Никаких ни юридических, ни естественных прав у народа бунтовать против своей власти нет и быть не может. Власть устанавливается не для того, чтобы против нее бунтовать или ее свергать. Начавшаяся революция говорит не о реализации народом права на восстание, а о стихийном процессе, подобном явлениям природы. Стихия революции демонстрирует не реализацию права на восстание, а всеобщую социальную дезорганизацию, слом привычных стандартов поведения, массовую дезориентацию власти и подвластных. Революция — это мутный поток общественного сознания, свидетельствующий о распаде государства. Возникнет или нет на месте старого государства новое — еще неизвестно, но патология государственного сознания налицо. И вот здесь наступает момент истины: если власть способна подавить мятеж, значит, он — чистая случайность, а власть в данном случае выполняет свою прямую обязанность. Если же бунт перерастает

в революцию, с которой власть справиться не в состоянии, налицо ее глубокая деградация. Такая власть заслуживает, чтобы ее свергли, а на ее месте сформировали новую, дееспособную власть.

К. Каутский, обосновывая идею мирной трансформации буржуазного государства в пролетарское, объяснял это тем, что современное государство, обладая огромной военной и полицейской силой, способно подавить любое восстание. Однако годы Первой мировой войны показали, что, казалось бы, могущественные империи и правительства Европы рушились как карточные домики. И причина того — не народные волнения (хотя они были), а разрушение самой власти. Государства разламывались не снизу, а по преимуществу сверху. Сама власть давала разлом, массы только довершали процесс гибели государства. Февральская революция 1917 г. — событие из этого ряда. Русская монархия рухнула не под напором восставших масс, а вследствие обвала самой власти. Та же ситуация повторилась в 1991 г.: Советское государство распалось не потому, что его кто-то разрушил (внешние или внутренние враги), а в силу ее внутреннего вырождения. Условия жизни и сознание народов СССР изменились настолько, что центральные институты власти воспринимались как никому не нужная бутафория. Названные примеры подтверждают ту мысль, что революция обусловлена не внешними причинами (тяжелое экономическое положение, восстание масс), а дефицитом государственного сознания у правящего класса. Советский Союз выстоял в тяжелейшей войне против гитлеровской Германии, а в условиях мирного времени распался.

Революция — это болезнь, которая может закончиться либо выздоровлением, либо инвалидностью, либо гибелью государства. Революция может привести к краху не только конкретной формы государства, но даже государственности как формы политического бытия нации. Великая французская революция, например, породила диктатуру Наполеона, а с ней — новую буржуазную Францию, подчинившую себе практически всю континентальную Европу. Именно воля Наполеона, его государственное сознание стали важнейшей причиной появления сильного на тот момент европейского государства. Один из примеров этой воли — жесточайшее подавление восстания парижских рабочих в октябре 1795 г. Наполеон первым в Европе применил в условиях города против восставших артиллерию, чем сильно потряс воображение современников. Методы его правления свидетельствовали, в частности, о появлении государства современного

типа, государства, опиравшегося не на сословия (как в средневековье), а на армию, полицию и административный аппарат и способного, опираясь на силу, подавить любой мятеж. Большевистская диктатура, родившаяся в ходе революции и окрепшая в годы Гражданской войны, также демонстрировала волю русского народа к воссозданию на обломках монархии сильного государства. Как верно отмечали евразийцы, большевики смогли использовать энергию народной стихии, установить порядок и сохранить российскую государственность. Евразийцы увидели в большевизме силу, которая оказалась способной найти подлинно национальные формы политического бытия русской нации. Однако довольно быстро (по историческим меркам) Советское государство стало изживать себя, показав подлинный итог большевистской революции. Американская революция, например, создала государство, которое с течением времени только усиливалось и к настоящему времени осталось единственной сверхдержавой.

Связь между государством и революцией многоплановая, тысячи причин влияют на появление и распад государства, но определяющих, повторимся, две — сознание и воля. Государственный инстинкт — понятие почти метафорическое и слабо доказуемое, это, конечно, гипотеза, но гипотеза, отлично работающая. Видимо, прав Солоневич, утверждавший, что ослабление государственного инстинкта ведет к ослаблению государства. Чтобы государство состоялось, необходимо, во-первых, высокий уровень понимания ценности властных отношений и, во-вторых, воля к жизни, определяемая биологической энергией нации. Ослабление пассионарности народа (если использовать идею Л. Н. Гумилева) есть ослабление его воли к жизни, а с ней — властных институтов. Связь здесь прямая. Если нация на подъеме, если ее воля к жизни бьет ключом, тогда революция — стихийный поиск аутентичной политической формы, естественный способ привести в соответствие национальные архетипы и институты власти, сделав последние более жизнеспособными. В этом случае революция только укрепляет государство, делая государственному сознанию народа своего рода прививку против дезорганизации и хаоса. Если же нация демонстрирует пассионарный упадок, ее воля к жизни ослабевает, то революция может свидетельствовать о глубокой патологии национальной государственности и дефиците государственного сознания. Революция здесь представляет смертельную опасность для политического бытия нации, она может стать естественным могильщиком

угасающей государственности. Данная схема весьма условна и не учитывает как всякая схема всего многообразия жизни. Всемирная история учит, что один и тот же народ несколько раз за свою историю менял подъем на спад и спад на подъем. Поскольку в основе таких изменений лежат иррациональные силы, прогнозировать исторические спады и подъемы невозможно, но это совсем не значит, что нации не следует бороться за свою государственность.

В. Н. Синюков, проректор по научной работе Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук, проф. *Государственно-правовые аспекты революции 1917 г.*

В год 100-летия революции 1917 г. в России и на Западе усиливаются и без того непрерывные попытки подвести черту не только под феноменом русской революции, ее идеями и результатами, но и под самим понятием революции. Распространенным в политическом обиходе в России стал тезис об исчерпанности “лимита на революции”, о неудавшемся “семидесятилетнем эксперименте”, о тупиковости пути, по которому в 1917 г. пошла Россия, о некоем прерывании революцией закономерного исторического хода развития России.

Очевидно также стремление объяснить причины революции в России трагическим стечением обстоятельств, неудачной войной, антигосударственными действиями радикальной оппозиции и чуть ли не свести восстание в Петрограде к просчетам властей по организации снабжения столицы.

В число виновников революции, которая рассматривается как абсолютное зло, теперь, не без современных аллюзий, все больше попадают не только революционные радикалы, но и тогдашние либеральные круги, боровшиеся с действовавшей властью и в конечном счете сами пострадавшие от легкомысленно инициированного и неуправляемого процесса.

Надо сказать, что практика “разоблачения революции”, развенчания ее ценностей стала, к сожалению, основой идеологии возрождения исторической России. Диффамация целей и задач революции, а еще более фактических общественных отношений, которые возникли в России и СССР после революции, выступила официальной или контекстуальной идеологией страны в 90-е годы. Отсюда важной политической задачей явилось преодоление раскола в общественном сознании — новой общественной проблемы, которая была искусственно реанимирована после

распада СССР через десятилетия фактического примирения даже старой эмиграции с Советской Россией, отстоявшей независимость и целостность исторической России в ходе Великой Отечественной войны.

“Идеология” 90-х сейчас устарела настолько, что стала социально токсичной, всячески мешая естественной адаптации в общественном сознании постсоветского политического и правового развития страны.

Попытки отрицания революции 1917 г., помертвное унижение ее вождей, демонизация смыслов и символов оказались настолько идеологически, квазинаучно, узкополитически загрязненными, медийно перегруженными, что спровоцировали кризис исторического сознания в России, в том числе у ее молодого поколения. Попыткой разрешения этого кризиса стало введение в общеобразовательной школе культурно-исторического стандарта.

Провалы в исторической социализации школьников и в целом молодежи в последние 30 лет, стремительная деградация их исторического и социального кругозора, утрата иммунитетов от убогих политических штампов, навязываемых в том числе конкурентами России, вплотную подводят к необходимости постановки в сфере юридической науки вопроса о политико-правовом значении для России революции 1917 г.

Речь идет о насущной потребности в новом осмыслении революции в качестве уже современного общественного явления, в контексте проблем развития новой России давно без большевиков, без КПСС, в условиях радикально изменившихся общественных условий XXI в.

Новый этап изучения революции логичен в силу именно теперь уже полностью автономного существования революционных институтов от породившей их идеологии, во многом — людей, живших в условиях социалистического государства и права.

Без попыток осмыслить революцию в России как связующего центра ее новейшей истории, контрапункта современной отечественной государственности трудно объяснить ключевые элементы настоящего и будущего отечественного государства и права.

Русская революция до сих пор научно не объяснена. Поиск ее феномена занимает еще слишком мало времени и будет, несомненно, продолжаться. Мы еще не миновали начального этапа ее понимания как сюрреалистического бессознательного рефлекса уставших от войны солдат, крестьян

и обывателей, подогреваемых своекорыстной, разобщенной и безответственной элитой.

Сообразно этой парадигме поиски сущности революции идут в ключе: кто виноват (большевики, либералы), как это вообще могло случиться, что империя и трёхвековая династия столь быстро пали?

Я придерживаюсь своеобразного полурационального и полумистического (в отсутствие современной методологии научного исторического познания) объяснения революции как разрешения глобального катаклизма, состоявшегося на почве России, но имевшего, безусловно, значение поиска новой орбиты мирового развития. Эта некоторая мистичность мне видится уже в фигуре последнего российского императора — самого русского, самого благородного и самого слабого, выглядящего сейчас как бы совершенно неадекватным ситуации. Но эта “неадекватность” — нежелание сопротивления, покорность божественному промыслу — создает поистине мистическое, судьбоносное впечатление глубокой закономерности именно такой роли императора в неминуемо надвигавшейся кардинальной, органичной и глобальной катастрофе.

Далеко не случайно, что, несмотря на эпические прорицания, в результате действительно катастрофического хода революции государство, историческая Россия вовсе не исчезли. В противном случае империя не смогла бы так быстро и так системно восстановиться. Более того, советская империя приобрела новый, неслыханно мощный смысловой ресурс, новую перспективную государственную форму, преодолела копившиеся столетиями социальные расколы и антагонизмы, решила большинство своих извечных исторических проблем.

Хочется думать, что, покоряясь Богу и судьбе, император оказался единственным адекватным человеком в правящем лагере.

Действуем ли мы в постсоветский период с достаточным осознанием смысла тектонических перемен, произошедших в России в начале XX в.? Конечно, формируя символику постсоветской России, нужно радоваться преодолению Смуты XVII в., воздавать должное простым людям, спасшим в очередной раз государственную власть, вдохновляться подвигом героев народного ополчения. Но те героические события не идут ни в какое сравнение по историческому весу и новаторству с глобальным прорывом в современный мир, который осуществила русская революция начала XX в., создавшая по-настоящему

системную перспективу развития России как мирового социального центра. Революция, в отличие от всех предшествующих событий русской истории, создала новый, по-настоящему современный общественный уклад, ввела государственные формы, социальные институты, которые опередили на столетие современные ей государства и правовые порядки.

Более того, даже спустя век русская революция не исчерпала своей программы, ее идеалы ничуть не устарели. Современные попытки западной цивилизации найти новую мотивацию для своего развития в виде экономической глобализации, новых гендерных отношений (ЛГБТ), мультикультурализма выглядят явно двусмысленными, частными, цивилизационно замкнутыми, несоразмерными современным вызовам, неспособными объединить нации, создать по-настоящему новую социальную основу для следующего этапа мирового развития.

Как же можно добровольно отказаться от этого наследия революции, в том числе выстраданного ценой многочисленных жертв; наследия, которое вывело страну в число мировых лидеров в деле освобождения человека труда, творчества духа, новой демократии и правовых ценностей?

То, что советский коммунизм во многом утратил системную инициативу в реализации революционной программы, свидетельствует лишь о сложности этого движения, историчности его этапных форм, неисчерпанности социальной повестки.

Поэтому важно переосмыслить без догматических шор опыт революции в широкой международной перспективе, включить этот опыт в национальное достояние, что уже сделало вклад России в мировую правовую культуру поистине уникальным.

Именно через великие революции на их основе создан нравственный и правовой потенциал современной цивилизации. Без Великой французской революции нет современной Франции как правового общества, которое до сих пор через революционное законодательство оказывает влияние на право многих стран; без Английской революции, в том числе “Славной” как ее этапа, нет современной Великобритании; без революции, войны за независимость и Гражданской войны нет современного государства США, конституция которого 1787 г. является основным вкладом Америки в мировую правовую культуру.

Великим нациям не приходит в голову отказаться от наследия революций, которые сделали

их современными обществами, да еще под эмоциональными впечатлениями, увы, немалых жертв, которыми эти революции, как правило, сопровождались. Наоборот, осознание и освещение подвига революционеров, которые погибали во имя идеалов свободы, равенства, братства, социальной справедливости, равно как и осуждение массовых казней, репрессий, реквизиций, произвола, которыми, увы, изобилует практика великих революций, вошли в менталитет этих наций, являются бесценным, в том числе негативным, историческим опытом ведущих мировых держав.

Революции и российская революция не являются исключением, выступают связующими звеньями эпох, без которых вся последующая история лишается контекста и смыслового вектора. Так, Великая Победа советского народа в Великой Отечественной войне приобрела стратегический, универсальный, исторический смысл в контексте революции 1917 г. как отражение внутренней мощи народа, освободившегося от сковывавших его отживших государственных форм и ретроградных отношений. Иначе — очевидный разрыв исторического контекста, ведущий к странной, недопустимой двусмысленности в оценках победы; попытки объяснить и свести ее к многочисленным жертвам и узконациональной ностальгии. В таком же идеологическом статусе безвременья оказываются многие иные символические вехи новейшей отечественной государственности: покорение Космоса, утверждение общественно-го, в том числе межнационального, согласия, социальные достижения, которые, будучи выведенными вслед за революцией из контекста новейшей истории России, перестают работать как опоры отечественной государственности, в том числе в сфере общественного и индивидуального сознания.

Именно этой утратой единства государственно-правовой истории объясняются многие типичные копия, в которые мы попадаем в поисках современных форм демократии, правовой культуры, местного самоуправления, правосознания населения. Причина — политическое и правовое дезавуирование в 90-е годы не только революции, но и всего советского периода, стремление вывести их из закономерного хода русской истории, российской государственности и российского права. В этой связи очень странно слышать утверждения, что “революционный эксперимент” длился недолго и совершенно ничтожен в общей канве русской истории.

100 лет революции — это много или мало? В течение именно этого времени продолжают не просто сохраняться, но реально действовать все несущие конструкции российской государственности,

созданные в результате революции и последующего развития: политическая система (однопартийная, дополненная периферией партий); федеративная организация; структура (система) права; социальные отношения, основанные на государственной защите населения; принципы и институты в сфере семьи, брака, статусов женщин и мужчин, детей; свобода совести; этнонациональные отношения; культура и искусство; образование и множество иных смежных общественных отношений.

Можно с уверенностью утверждать, что, перейдя к новому общественному строю в 90-е годы прошлого века, Россия сохранила практически все основополагающие институты революционного государства и права в их естественной динамике, и именно на них держится современная российская государственность. Даже экономика, претерпевшая в 90-е годы наиболее радикальный слом отношений, по признанию экономистов, на 80% продолжает сохранять аффилированность с государством, что отнюдь не является благом.

Таким образом, можно сделать вывод, что русская революция создала государство и право, которые по своей природе были естественным продолжением исторической русской государственности. Но это продолжение было настолько авангардным, настолько по-настоящему новаторским, революционным, что открыло стратегическую перспективу для выхода России в число великих правовых наций.

Именно в этом социально-правовом авангарде и заключена ценность и оригинальность вклада России в мировую правовую культуру:

открытие миру социального государства, изменившего и обогатившего и западную, и восточную политические традиции;

поиск новых, перспективных моделей демократии, включая переосмысление формы государства, идеи разделения властей;

опыт формирования конфедеративных союзов, методов и форм интеграционных процессов;

защита национальных меньшинств, развитие территориальных общин;

антропологическая революция, гендерное равенство, раскрепощение женщины, семьи, детства и материнства от диктата традиционализма;

разрешение национального вопроса, создание единой сверхнациональной общности в рамках сохранения и уважения этно-культурного многообразия;

обеспечение свободы совести вплоть до атеизма.

Исходные ценности революции носят фундаментальный характер и не теряют своей привлекательности в мире. Современный взгляд на революцию начала XX в. в России должен преодолеть дихотомию коммунистической и либеральной альтернатив. Это — новое осмысление нашей государственности и нашего права в глобальном контексте. Необходимо преодолеть раскол в правовой истории страны, создать новые концепты, интегрирующие накопленные качества российской государственности в течение всего XX в.

Россия может полноценно вернуться на правовую карту мира только как создатель и носитель новых юридических ценностей, краеугольную основу которых открыла русская революция. Государственный суверенитет страны невозможен без правокультурного суверенитета, без правового измерения российской социальной традиции, определяющее развитие которой связано не с XVII в., а с веком XX.

Никак нельзя полагать, что советский этап потерпел неудачу. Не может быть неудачной система, институты которой реципированы повсюду в мире. В противном случае надо будет согласиться, что французская и английская революции потерпели неудачу лишь на основании того, что непосредственно за ними последовали периоды реставрации. Революции изменяют систему общественных отношений — именно в этом их историческая роль.

Необходимо изменить отношение к русской революции. В этом — один из важнейших источников не только движения вперед, консолидации российского общества, но и интеграции России в современный мир.

В. Н. Корнев, проректор по научной работе, зав. кафедрой конституционного права им. Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия, доктор юрид. наук, проф. Об источниках революционного права

Одним из результатов Великой Октябрьской социалистической революции, как и любой другой революции, является разрушение существовавших властных институций, институтов старого, прежде существовавшего права и правопорядка и попытки создания нового права и правопорядка, легитимация фактической принадлежности государственной власти тем силам, которые оказались победителями в той или иной революции, которая разрывает непрерывность государственно-правового развития. Иначе и быть не может, поскольку, как отмечал Г. Радбрух, мировая история не может уйти в отставку ради юриспруденции.

Силы, организовавшие проведение Великой Октябрьской социалистической революции, руководствовались теоретическими установками классиков марксизма-ленинизма о необходимости разрушения старой государственной машины, идеей отмирания государства и права как необходимой предпосылки реализации на практике концепции построения коммунистического общества, где не должно было быть ни государства, ни права, ни каких-либо классов.

Новая власть приняла ряд документов, которые легли в основу формирования юридической базы организации и деятельности рожденных в революционной стихии властных институций. Следует отметить тот факт, что в послереволюционный период новая власть особое внимание обращала на создание органов судебной власти, органов безопасности и правоохраны. Думается, что это вовсе не случайное явление. Такая активность в указанной сфере государственного строительства может быть объяснена теорией классовой борьбы, которая была неизбежна и проявлялась на практике ожесточенным сопротивлением социальных групп, которые были отнесены к числу врагов революции. А для борьбы с ними были необходимы соответствующие органы.

Борьба с нежелательными элементами требовала установления режима, который в какой-то степени отвечал бы требованиям законности, служил прикрытием проявления голого произвола со стороны властей по отношению к определенным слоям населения. Иными словами, возникала проблема определения оснований принимаемых судебных решений, т.е. источников права, к которым при рассмотрении конкретных дел, главным образом уголовных, мог обратиться судья. К числу таковых декретами Советской власти и практикой были отнесены: *революционное правосознание, революционная совесть, нормативные правовые акты императорской России, в случае если они не противоречили революционному правосознанию и революционной совести, обычаи, правовые акты Советской власти и в некоторых случаях работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина*¹⁸.

Все указанные источники были значимы прежде всего для тех случаев, когда было необходимо привлечь то или иное лицо к уголовной ответственности за совершение преступлений, которые были указаны в партийных документах, работах В. И. Ленина и в известных актах

¹⁸ См.: Скрипильев Е. А., Антонова И. А. К характеристике первого пятилетия Советской власти (1917–1922 гг.) // Теория права: новые идеи. Вып. 4. М., 1995. С. 51.

Советской власти либо при рассмотрении разнообразных юридических споров. Можно сказать, что все названные явления, признаваемые в качестве источников права, выполняли главным образом роль легитимации властных институций, оправдания репрессивной функции органов и должностных лиц Советской власти и придания ей легальной формы.

В ряду перечисленных источников права главное место занимало *революционное правосознание*. Оно ставилось в иерархии источников выше закона. Революционное правосознание выполняло несколько функций. Во-первых, на основе революционного правосознания принимались судебные решения по конкретным делам, т.е. оно признавалось, с одной стороны, источником (формой) права. С другой же — революционное правосознание считалось *собственно правом*, которое вовсе не нуждалось в том, чтобы оно выражалось в каких-либо нормативных правовых актах, принимаемых органами Советской власти.

Советская правовая доктрина первых лет Советской власти находилась под серьезным влиянием психологической школы права Л. И. Петражицкого, в частности, его теории интуитивного права. Основываясь на постулатах психологической школы права, М. Рейснер выдвинул и обосновал идею “*настоящего классового права, которое в виде права интуитивного вырабатывалось вне каких бы то ни было официальных рамок в рядах угнетенной и эксплуатируемой масс*”¹⁹. Такая постановка вопроса позволила, как считал М. Рейснер, использовать “революционное правосознание пролетариата” и “революционную совесть” для обоснования деятельности революционной юстиции, лишенной вначале каких бы то ни было позитивных норм, что было закреплено в Декрете СНК “О суде” от 24 ноября 1917 г.²⁰ Практика следования при вынесении судебных решений велениям революционного правосознания (на деле, считай, классовому интуитивному праву. — В.К.), по словам того же М. Рейснера, великолепно себя оправдала. Во-вторых, революционное правосознание квалифицировалось как необходимая предпосылка для осуществления правотворчества. Вот как о роли революционного правосознания писал А. Н. Трайнин: “Революционное

правосознание — вот критерий революционной целесообразности, вот новый и единственный источник правотворчества, господствующий над законами, упраздняющий самый принцип законности”²¹. Из смысла приведенной цитаты известного ученого-юриста явно следует идея оправдания революционного произвола, основанного на революционной целесообразности. Формированию правопорядка, в основе которого находятся нормы позитивного права, противопоставлялся и получал оправдание правопорядок, основанный на праве интуитивном. Более того, такой правопорядок рассматривался в качестве регулятора общественных отношений²².

С точки зрения юридической науки было ли революционное правосознание правосознанием в полном смысле слова? Думается, что нет. Во-первых, формирование определенного типа правосознания — это длительный во времени процесс, который предполагает наличие более-менее сложившейся системы *действующего* позитивного права, которое и отражается в правосознании индивида или общества в целом. На тот исторический момент в Советской России еще не сложилась система *действующего* позитивного права, поэтому в революционном правосознании не могло быть места отношению к *действующему* праву, поскольку его еще не существовало в природе.

По замечанию ряда ученых, революционное правосознание сформировалось еще до революции в борьбе между революционным (интуитивным классовым правом пролетариата. — В.К.) и эксплуататорским правом, т.е. официальным, позитивным российским правом. Отсюда следует, что позитивное право дореволюционной России представляло собой, по терминологии Л. И. Петражицкого, *реальный нормативный факт*, выраженный главным образом в форме нормативных правовых актов, принимаемых органами государственной власти.

А что на самом деле представляло собой интуитивное пролетарское право и, соответственно, революционное правосознание в контексте классовой интерпретации психологической школы права? В условиях дореволюционной России оно основывалось на нигилистическом, идеологизированном отношении и оценке действующего права, поскольку фактически действовавшее право не подлежало

¹⁹ Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л. — М., 1925. С. 20, 21.

²⁰ См.: Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6-ти т. / Науч. консультант проекта Е. А. Скрипилев. Т. V. Советское государство / Отв. ред. Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин. М., 2003. С. 47.

²¹ Трайнин А. Н. Десять лет советского уголовного законодательства // Право и жизнь. 1927. № 8/10. С. 37.

²² См.: Рейснер М. Указ. соч. С. 20.

усовершенствованию в соответствии с идеологическими установками марксизма-ленинизма, а должно было быть ниспровергнуто вместе с отживающими свое историческое время институтами власти. Стало быть, это право существовало и эмоционально переживалось только в классовом сознании. Правовые эмоции проецировались на тот предмет, который реально не существовал. Можно сделать вывод, что интуитивное классовое право (революционное правосознание. — В.К.) — это эмоциональная *фантазма*, и смысл ее состоит в том, что это слово означает произвольно созданный зрительный образ, противоположный реальному образу, который хранит память²³. По Л.И. Петражицкому, интуитивное право не имеет отношения к нормативным фактам, а является исключительно порождением психики. Эта идея известного дореволюционного ученого-юриста развивалась и всячески одобрялась как политиками, так и теоретиками советского права, поскольку давала широкую свободу в борьбе с представителями эксплуататорских классов и как нельзя лучше способствовала делу реализации идеологических и политических классовых установок партии, которые облекались отчасти в псевдоправовые формы.

После свершения революции в России наступила эра формирования новых ценностей и новой фактической реальности, которые необходимо было осмыслить и закрепить в нормах позитивного права. В результате революции были заложены основы нового государственного и общественного строя. Для повседневного нормирования поведения людей, решения задач позитивного государственного строительства, регулирования экономической жизни общества и т.д. было недостаточно революционного правосознания и других вышеназванных источников права, поскольку они не покрывали всего многообразия общественных отношений. Иными словами, в подавляющем большинстве случаев реальная жизнь протекала без регулятивного воздействия норм позитивного права, потому как система советского права и правопорядок еще не сложились.

Не следует забывать простую истину, что правовые нормы наличествуют и действуют только при существовании нормальной ситуации в обществе, поскольку такая ситуация составляет позитивно-правовую предпосылку и составную часть действительности и действия правовых норм. Революционные события являются

отклонениями от нормального состояния общества. Вместе с тем при реальном отсутствии правопорядка, тем не менее, существовал определенный фактический порядок. На чем он основывается? Здесь мы обращаемся к такому источнику права, как *“нормативная сила фактического”*, не связанного с действием государственного аппарата, которая и оказывала регулирующее воздействие на поведение людей. Подробнейшим образом эта категория разработана в работе Г. Еллинека *“Общее учение о государстве”*²⁴.

Механизм регулятивного действия *“нормативной силы фактического”* кратко можно описать следующим образом. Г. Еллинек констатирует, что человеку свойственно убеждение о существовании нормальных отношений. Такое убеждение психологически обусловлено отношением человека к фактам реальной жизни. Все то, что его постоянно окружает на протяжении длительного времени, он склонен рассматривать не только как факт, но и как норму, посредством которой человек оценивает происходящие вокруг него события. На основе этих повторяющихся фактов человек судит о событиях как *“нормальных”* или как о таких, которые *“уклоняются от нормы”*. Нормативная сила фактического нормирует человеческое поведение и регулирует отношения практически во всех сферах регламентации человеческой жизнедеятельности (культура, этика, экономика, государство, право и т.д.). *“Действительно, факты, фактические отношения играют огромную роль в образовании права. Длющиеся фактическое состояние и постоянное соблюдение в течение неопределенно продолжительного времени одного и того же образа действий могут привести к образованию убеждения не только в целесообразности известного фактического порядка, но и в безусловной его необходимости, должествовании и, таким образом, повести к образованию правовых норм, санкционирующих этот фактический строй, т.е. к признанию этого строя и порядка правомерными, согласными с правом. В этом заключается так называемая нормативная сила фактов в области права. Так, например, получают правовую санкцию даже те насильственные изменения и нарушения действующего правового порядка, которые называются революциями”*²⁵, — писал известный отечественный государствовед Н.И. Палиенко. Содержание

²⁴ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 336–356.

²⁵ Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и его историческое значение. Ярославль, 1903. С. 339.

²³ См.: Блаженный Августин. Исповедь. М., 2006. С. 440.

приведенной цитаты, хотя она и взята из работы, опубликованной в 1903 г., вполне подходит к характеристике той ситуации, которая была свойственна для периода становления права и правопорядка в России после Октябрьской революции.

Преобразование элементов устоявшегося государственного и общественного фактического порядка, получившего признание и одобрение в сознании большинства населения как нормального, т.е. правомерного, шло по пути принятия нормативных правовых актов, закрепляющих сложившееся фактическое состояние. С точки зрения современной теории государства и права эти правообразующие факты, факты, порождающие должностное, можно назвать *материальными источниками права*. Вместе с тем не все факты рассматривались в качестве правообразующих, а только те, которые имели нормативное значение. К их числу можно отнести факты, относящиеся к формированию системы права, структуры государства, лежащие в основе утверждения новых государственно-правовых ценностей, и т.д. Юридически должностное, порожденное фактичностью, выражалось в дозволениях, запретах и управомочивании. Например, юридически и идеолого-политически дозволялось создание кооперативных организаций, запрещалось занятие предпринимательской деятельностью, которая квалифицировалась как спекуляция, уголовно наказуемое деяние, и т.д.

Кроме того, в процессе преобразования фактических отношений в юридические не потеряло своего значения и революционное правосознание, которое, как и прежде, выполняло роль интеллектуального источника права, тем самым, оказывая влияние как на формирование поведенческих установок личности, так и на процесс и содержание правотворчества. Однако по мере создания системы действующего позитивного права правосознание претерпевало качественные изменения: шаг за шагом утрачивало свою бескомпромиссную революционность, приобретая те черты, которые свойственны современному научному пониманию этой категории теории государства и права.

В. Г. Графский, зав. сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф. *Революционные и эволюционные перемены в современной истории и роль права*

Книги об Октябрьской революции, по некоторым подсчетам, самые многочисленные в сегодняшнем читательском обиходе. Американский политический социолог Д. Белл однажды

заметил, что все книги, написанные о Французской революции, уместятся на полках, расположенных на одной стене в парижской национальной библиотеке, в то время как, чтобы разместить в одном месте все книги об Октябрьской революции, необходимо будет построить целый поселок²⁶. В отношении реализации высоких целей социалистической революции, главной из которых следует считать социальную справедливость в условиях социального мира и порядка, современные ее критики обычно констатируют, что эта революция оказалась (“сравнив с достигнутым высоким идеал”) незавершенной и очень продолжительной. Дело в том, что ее социалистический идеал подвергся неоднократным уточнениям, в том числе всевозможным толкованиям и перетолкованиям на протяжении почти целого столетия, а затем он был отвергнут без сколь-нибудь сопоставимого и адекватного замещения.

В современных комментариях вновь и вновь всплывает подзабытый тезис о неподготовленности царской России к социалистической революции и социалистическим преобразованиям; пореже и послабее выглядят сомнения в надлежащей приобщенности населения страны к парлментарному и конституционно-правовому опыту.

Здесь уместно вспомнить, что за десятилетие революционных и эволюционных перемен во Франции, с 1789 по 1799 г., было обсуждено и принято пять самых различных по своему практическому воздействию конституций, но это не привело к так называемой конституционной инфляции, которая имела место впоследствии в переломные периоды истории в некоторых государствах Азии, Африки и Латинской Америки. Еще одним позитивным моментом в конституционно-правовом оформлении революционных и реформистских перемен во Франции является преемственность фундаментальных конституционно-правовых принципов, норм и отдельных конструкций. Так, например, знаменитая Декларация прав человека и гражданина 1789 г. входит в качестве составной части в действующую Конституцию Франции 1958 г.

Другой аналогичный пример демонстрирует Германия. В сегодняшней Конституции Федеративной Республики Германии имеется несколько статей, целиком позаимствованных из Веймарской конституции 1919 г. Преемственность наличествует и в советских конституциях, но здесь она имеет несколько иную природу и направленность, присущую иному характеру демократического

²⁶ См.: Белл Д. Конец идеологии. 1960.

представительства и столь же своеобразному политическому режиму партийно-государственной власти, отмеченному сверхцентрализацией и сверхбюрократизацией управления и отсутствием надлежащего демократического контроля и отчетности и гарантированной ответственности в случае должностных правонарушений.

Весьма своеобразной выглядит современная социальная история России в сопоставлении с политической историей, в особенности с учетом последствий перемен революционного или эволюционного характера. Так, например, период, последовавший вслед за отменой крепостной зависимости крестьян и совокупностью перемен в области организации суда, армейской службы, университетского образования, земского и городского самоуправления, отмечен волнообразными переменами “между реформами и диктатурой” (1861–1920 гг.), в то время как в других странах на европейском и американском континентах характерно сочетание или чередование революций и реформ.

Во многом уникальность российского опыта была обусловлена тем обстоятельством, что в России имело место взаимодействие четырех революционных потоков — буржуазного общегражданского, рабоче-солдатского, крестьянского и национально-автономного.

Угасание революционной устремленности и активности также имеет здесь свою специфику. В литературе, анализирующей эволюцию политики партии большевиков после 1917 г., выделяются такие моменты: отказ от принципов коллективизма и демократизма, исчезновение “духа революции и свободы”, на смену в 1918–1920 гг. приходят крайняя жестокость и централизм с перестройкой “сверху” и “снизу”. Особенно заметным в этих переменах оказалось воздействие и влияние трудностей экономических, военных, политических, усиленных влиянием вождизма — Ленина, Троцкого, Свердлова и Сталина.

По-новому воспринимается сегодня террористический характер отдельных направлений политики Ленина: концентрационные лагеря (большевики не были первыми в этом репрессивном профилактическом предприятии — во время Первой мировой войны немцы устроили подобные лагеря в египетско-аравийской пустыне для размещения армян, убежавших от османского геноцида, и для противодействия их иным перемещениям), присущее системе беззаконие, оправдываемое так называемым революционным правосознанием трудящихся и эксплуатируемых народов, показательные процессы, список

узаконенных под его руководством репрессий по отношению отдельных социальных групп и сословий. Сталин в конце 20-х и в 30-е годы лишь продолжил, а не изобрел эту политику.

Стремление к тотальному поглощению общества государством, а государства партией исходило от ленинской когорты политических новаторов и партийных лидеров. В отличие от сталинской модели, административно-командная система при Ленине отличалась слабостью и аморфностью. Такую систему для удобства можно назвать также узаконенно командной, которой присуще регулирование с помощью приказов в виде законов, исходящих преимущественно от правительственной, а не законодательной власти. Главным средством в массовом регулировании воодушевленного идеями поведения и сопровождавших его при этом эмоций были законы, неисчислимое множество законов, что всегда присуще любой административно-командной политической системе. У Ленина есть характерное высказывание на сей счет: мы теперь ведем свою пропаганду декретами. Эта ориентация оказалась на поверку изрядно ущербной и в замыслах, и в реальном воплощении. Социализм — это учет и контроль, а коммунизм — это всего лишь Советская власть плюс электрификация всей страны. В 1917 г. — 24 тыс. большевиков на всю Россию, причем многие из них находились за рубежом. В избранном Учредительном собрании большевики составили 23%. На крестьянском съезде в декабре 1917 г. большевики имели 91 представителя из общего числа 790 депутатов.

Переход от традиционного общества к современному не везде одинаков. Запад демонстрирует относительно мирный — фермерский путь или радикальный французский. Россия являет собой другую картину: посягательства крестьян на помещичье имение и всяческие притеснения хуторян, рабочие политические стачки, столкновения с полицией, войсками, студенческие волнения и национальные движения, заметная милитаризация промышленности после 1908–1909 гг.

С. Ф. Платонов так писал о протестном потенциале народного движения: “Как во времена Разина, так и теперь крепостные люди и поволжские инородцы легко поднимаются против помещиков и властей”²⁷. Столыпинские реформы остались незаконченными, они проводились без надежной парламентской поддержки и пребывали в большой зависимости от мнения императора. В отличие от Февраля, большевистский

²⁷ Сокращенный курс русской истории. Пг., 1915. С. 296.

переворот тщательно планировался вплоть до дня и с дальним прицелом — не только в виде мировой революции.

Неавторитарная политика большевиков выглядит сегодня делом невозможным даже в бухаринском варианте следования по пути к социализму, смягченному в своих непримиримых жестокостях к непролетарским слоям населения прямым или косвенным сочувствием и поддержкой середняцкого крестьянства. Что касается так называемой гражданской войны, отмеченной противостоянием и взаимным истреблением “красных” и “белых”, то, по всей видимости, настало время для понимания и прощения. Лучшим итогом в этом предприятии может стать общее согласие поставить памятник тем и другим на одном постаменте и непременно с хорошей памятной надписью вроде той, которую сочинили жители Канады в память о взаимных войнах французов и англичан в период завоевания и освоения канадской территории, которые происходили на протяжении свыше 130 лет. Та надпись гласит: “Доблесть принесла им смерть, история — общую славу, а потомки — общий памятник”. Нам следовало бы признать эти три качества в человеке с ружьем периода Гражданской войны, навязанной уже не очень важно какой стороной. Эти качества общеизвестны: их достоверная доблесть, их непохожая, но без сомнения обоюдная озабоченность судьбой своей страны и многие достойные другие свойства и особенности.

Е. Н. Мошелков, зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор полит. наук, проф. “Демократия—диктатура” как реальная дилемма революции 1917 г. в России

В марте 1917 г. новая постмонархическая власть строилась в России исключительно на демократических лозунгах и принципах. Понятие демократии признавалось тогда незыблемым и священным. Но уже к лету в условиях резкого обострения общенационального кризиса все чаще в различных общественных (в том числе и демократических) кругах стали говорить о необходимости “сильной власти”.

Требования этой “сильной власти” прозвучали от Временного комитета Государственной думы, который, обращаясь к Временному правительству, в открытой форме ставит вопрос о том, что стране нужна “твердая и сильная власть, которая сурово потребовала бы от каждого и всех выполнения

своего долга”²⁸. С требованием к Временному правительству стать “сильной и независимой властью” выступил также и Девятый съезд Партии народной свободы²⁹.

Необходимость такого поворота в политике сознавалась и внутри самого Временного правительства. Так, например, один из лидеров эсеров, входивший в состав правительства, Н. Д. Авксентьев призывал: “Мы не можем медлить с самыми решительными мерами и должны определенно продиктовать свою волю... Довольно дискуссий... Мы должны провести в жизнь диктатуру революционной демократии”³⁰. Что касается большевиков, то для них идея “сильной власти” уже с апреля 1917 г. является практической задачей. VI съезд партии (конец июля — начало августа) прямо призывал к непосредственной подготовке к вооруженному восстанию “для взятия государственной власти в свои руки”³¹. Политическая цель этого восстания и форма новой власти после его победы прямо вытекали из марксистской доктрины, которую проповедовали большевики. Это — установление пролетарской диктатуры.

Тема “сильной власти” стала главной и на Государственном совещании в Москве, проходившем 12—15 августа 1917 г. На этом совещании выступило около 80 человек, более половины из них прямо говорили о необходимости установления в России сильной исполнительной власти. Обнаружилось между тем два понимания такой власти. Одни отстаивали уже известное мнение о том, что этой сильной властью должно стать правительство Керенского путем придания ему дополнительных и даже неограниченных функций и полномочий. Другие в несколько завуалированной форме высказывались за передачу этой власти в руки военных, имея в виду прежде всего главнокомандующего русской армией Л. Г. Корнилова.

Вскоре различные политические силы переходят от дискуссий о диктатуре к реальным действиям. Так, получив в начале июля “неограниченные полномочия” от Советов, на путь усиления своей власти становится Временное правительство. Принимается целый ряд законов и постановлений, которые сам Керенский назвал

²⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России 1917 г. Июльский кризис // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М., 1990. С. 318.

²⁹ См.: Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 380.

³⁰ Там же. С. 11.

³¹ Шестой съезд РСДРП (б). Протоколы. М., 1958. С. 256, 257.

“железными”. Объявляется о введении смертной казни на фронте и об учреждении “военно-революционных судов”, устанавливаются ограничения свободы печати, по которым без суда могли закрываться любые газеты, а редакторы привлекаться к судебной ответственности, комиссарам на местах дается исключительное право без суда принимать решение о заключении под стражу лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей обороне государства и внутренней его безопасности, и т.д.

Одновременно с этим происходит и другой процесс. Все более громко и открыто свои претензии на власть начинают предъявлять военные, которые на передний план выдвигают генерала Л. Г. Корнилова. Еще до Государственного совещания Л. Г. Корнилов представил во Временное правительство согласованную с Б. В. Савинковым записку, в которой излагалась программа выхода России из кризиса в условиях войны с Германией. Эта программа предусматривала создание “армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников”, т.е. подчинение военной дисциплине основных видов общественной деятельности³², а также введение смертной казни в тылу³³.

В 20-х числах августа между Корниловым и Керенским (напрямую и через посредников) велись интенсивные переговоры, на которых на первых порах реально вырисовывалась перспектива компромисса, предполагавшего уступки с обеих сторон. Уступки со стороны Керенского Корнилов сформулировал следующим образом: “1) передать всю власть военную и гражданскую в руки верховного главнокомандующего и 2) отставка всех нынешних министров, не исключая и министра-председателя...”³⁴. В дальнейшем при организации нового государственного порядка Корнилов допускал установление как единоличной, так и коллективной диктатуры в зависимости от обстоятельств³⁵. Со своей же стороны Корнилов обязывался не порывать полностью с демократическим лагерем и предлагал ввести

в новое правительство представителей этого лагеря, в частности Керенского и Савинкова.

Как известно, такому компромиссу не суждено было воплотиться в действительность.

После разгрома корниловских частей Керенский предпринимает отчаянную попытку стабилизировать положение. Создается Директория как прообраз сильного и независимого правительства. Но образование это изначально мыслится как временное, переходное. Вне коалиции Керенский по-прежнему не видит перспективы. Дело в том, что кроме серьезных политических ошибок, которые допустил Керенский в июле–августе, было и еще одно обстоятельство, изначально не позволявшее ему организовать сильную государственную власть, — догматическая вера в святость и всеислие демократии. Керенский как бы попал в “доктринальную ловушку”: догмы революционной демократии не позволяли ему, представителю демократического лагеря, стать диктатором России. Этим революционно-романтическим вирусом были заражены многие деятели умеренных социалистических партий, которые много говорили о необходимости “сильной власти”, диктатуры, но мало что делали на практике.

Размышляя в эмиграции над причинами поражения демократии, один из ее лидеров, И. Г. Церетели, в 1929 г. был вынужден сделать следующее признание: “Была одна проблема, которая требовала решения в первую очередь и практическое разрешение которой оказалось не под силу революционной демократии. Это была проблема государства, проблема создания твердой власти, опирающейся на демократические настроения массы и способной защитить завоевания революции не только от угрозы реакции, но и от атак левого максималистского меньшинства”³⁶.

Лидеры большевиков оказались в этой ситуации в лучшем положении. Проповедуя диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, они не испытывали сомнений и противоречий ни в трактовке доктрины, ни при ее практическом воплощении.

Таким образом, если подвести итоги анализа политического процесса в России во второй половине 1917 г., то можно сделать вывод о том, что предпринимались попытки установления диктатуры по меньшей мере в трех вариантах.

³² См.: Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. С. 166.

³³ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 422, 626 (примеч. № 215). Необходимо отметить, что данные предложения Корнилова, вызвавшие бурю негодования в демократическом лагере в августе 1917 г., через два-три месяца были реализованы большевиками, но уже в гораздо более жестоких формах и громадных масштабах.

³⁴ Там же. С. 428, 441.

³⁵ См.: там же. С. 450.

³⁶ *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. Париж, 1963. С. 415.

Первый. Диктатура военных и верхушки буржуазии (с поддержкой кадетов) и при участии некоторых представителей демократического лагеря. Попытку установить такую диктатуру предпринял генерал Корнилов в конце августа. Достаточно быстрое поражение этих сил было обусловлено полным отрывом их от Советов, что в тех условиях делало нежизнеспособной любую политическую силу.

Второй. Диктатура Керенского как представителя демократического лагеря (“демократическая” диктатура), имеющего хорошие контакты и влияние среди определенных буржуазных кругов и военных. Эта диктатура не состоялась, поскольку к этому оказался прежде всего не готов сам Керенский, а также и его окружение.

Третий. Диктатура большевиков под прикрытием марксистского доктринального положения о диктатуре пролетариата как государственной форме перехода к социализму. Именно этот вариант диктатуры и реализовался на практике.

Возникает вопрос: существовала ли вообще в России в 1917 г. какая-то гипотетическая альтернатива большевистской диктатуре? Спор на эту тему ведется уже давно. Прежде всего различаются как бы два варианта этой альтернативы: демократическая альтернатива большевикам и альтернатива в виде другой диктатуры. Что касается первого варианта, то он активно обсуждался и обсуждается. И всегда находятся как сторонники, так и противники признания “демократической альтернативы”. Сторонники данной идеи были и на первой свободной дискуссии по проблемам 1917 г., состоявшейся в октябре 1988 г.³⁷, и на дискуссии 1993 г., где эта тема обсуждалась уже более активно. Один из ее участников, Л. Г. Протасов, высказал твердое убеждение, что есть основания “видеть в Учредительном собрании несостоявшуюся демократическую альтернативу большевистскому режиму”³⁸. Расчет здесь строится на том, что у социалистов (без большевиков) на Учредительном собрании было большинство мест. Аналогичные идеи высказывают и некоторые участники многих конференций и “круглых столов” уже в наши дни, когда отмечается 100-летие революций 1917 г.

Доводы сторонников “демократической альтернативы”, возможности формирования власти “демократического большинства”, которая могла быть создана на Учредительном собрании, вызывают серьезные сомнения. Власть социалистического большинства Учредительного собрания — это власть эсеров и меньшевиков. Спрашивается: что мешало им взять под контроль ситуацию в стране, когда на протяжении шести месяцев эта власть (в несколько иной форме) им уже принадлежала? Вообще в рассуждениях о возможности “демократической альтернативы” обнаруживается не столько опора на факты и реалии, сколько надежда на то, что история не могла не оставить для России шанса на более цивилизованный, чем большевистский, выход из катастрофической ситуации 1917 г.

К сожалению, необходимо констатировать, что в 1917 г. Россию могла спасти не “демократическая альтернатива” или какая-то разновидность коллегиально-демократической власти, а только та или иная разновидность диктатуры.

Такая сильная власть была необходима не только для того, чтобы наладить управление политической и хозяйственной жизнью в условиях разрухи, но и для того, чтобы остановить процесс распада самого государства на отдельные, политически независимые друг от друга части. Решая эти вопросы, большевики попали в сложную ситуацию: с одной стороны, рост национального самосознания окраин бывшей империи не позволял сразу объявить строительство нового унитарного государства, а с другой — провозглашенная ими более демократическая форма национально-государственного устройства — федерация также повисала в воздухе, так как никто не знал, как в условиях России можно создать федеративное государство. Жизнь решила и эту проблему. Начиная с 1922 г. происходит постепенный процесс унитаризации нового социалистического государства.

В любом случае история однозначно свидетельствует о том, что остановить прогрессирующий развал экономики, “собрать” распавшуюся империю после 1917 г. стало возможным не на основе демократических принципов и процедур, а при помощи сильной диктаторской власти.

(Продолжение в следующем номере)

³⁷ См.: Россия. 1917 год. Выбор исторического пути. М., 1989. С. 63, 102, 103, 117.

³⁸ Анатолия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 134.